

Лев Гумилев

Древняя Русь
и Великая степь

ФТМ

Лев Гумилев

Древняя Русь и Великая степь

«ФТМ»

1989

Гумилев Л. Н.

Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилев — «ФТМ», 1989

ISBN 978-5-4467-1047-8

Книга выдающегося русского этнографа Льва Николаевича Гумилева посвящена одной из самых сложных и запутанных проблем отечественной истории – вопросу взаимоотношений Древней Руси и кочевников Великой степи на протяжении всего Средневековья. Увлекательная и эмоциональная, написанная безупречным языком, эта работа стала блестящей попыткой реконструкции подробной и целостной картины истории Евразии в XI–XIV веках.

ISBN 978-5-4467-1047-8

© Гумилев Л. Н., 1989

© ФТМ, 1989

Содержание

Оправдание книги	5
Постановка проблемы	7
Тезис	7
Хазария и Ойкумена до 800 г	9
Что искать и как искать?	11
Необходимо и достаточно	12
Способ исследования	14
Без чего надо обойтись	15
Условимся о значении терминов	18
Восточные славяне, но еще не Русь	21
Часть первая	24
I. В ареале угасшей пассионарности	24
1. Описание хазарской страны	24
2. Этнос «отраженного света»	25
3. Развивалась ли в хазарии культура?	27
4. Фазы этногенеза в западной Евразии	29
5. Между горами и морем	32
6. Запад	34
II. Мусульманский суперэтнос	37
7. Появление арабов	37
8. Вторжение в Хазарию	39
9. Неожиданная победа	41
10. Смена фазы	42
11. Поборники искаженного света	46
12. Смещение	48
III. Христианский суперэтнос	51
13. Кризис Запада	51
14. Викинги и феодалы	53
15. Рождение Европы	55
16. Накануне великого раскола	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Лев Гумилев

Древняя Русь и Великая степь

Оправдание книги

Еще на первом курсе истфака автору пришла в голову мысль заполнить лакуну во Всемирной истории, написав историю народов, живших между культурными регионами: Западной Европой, Левантом (Ближним Востоком) и Китаем (Дальним Востоком). Задача оказалась сверхсложной; ее нельзя было решить без помощи географии, потому что границы регионов за исторический период неоднократно передвигались, этническое наполнение Великой степи и сопредельных с нею стран часто менялось как вследствие процессов этногенеза, так и из-за постоянных миграций этносов и вытеснения одних мировоззрений другими. Не оставалась стабильной и физико-географическая обстановка. На месте лесов возникали степи и пустыни как из-за климатических колебаний, так и из-за хищнического воздействия человека на природную среду. Вследствие этого людям приходилось менять системы хозяйственной деятельности, что, в свою очередь, влияло на характер социальных взаимоотношений и культур. Да и культурные связи приносили в мироощущение населения Евразийского континента разнообразие, в каждую эпоху – специфическое.

Все эти компоненты исторического процесса так тесно связаны между собой, что опустить какой-либо из них невозможно, но если добавить к ним уточнения хронологические, генеалогические, социологические и т. п., то получится, что книга окажется собранием разнообразных сведений и, сообщая читателю «что и кто?», не будет содержать ответа на вопросы: «как?», «почему?» и «что к чему?», ради которых предпринято ее начертание. Очевидно, для решения задачи надо применить подходящие приемы исследования.

Для описания событий, происходящих в Восточной Евразии, была применена методика подачи по трем уровням. Самые мелкие детали, необходимые для уточнения хода событий, были описаны в статье традиционными приемами исторического исследования. Этих статей – исторических, географических и археологических – пришлось написать более ста.

Второй уровень – обобщение – дал жизнь специальным монографиям (Хунну. М., 1960; Хунны в Китае. М., 1974; Древние тюрки. М., 1967; Поиски вымышленного царства. М., 1970; Открытие Хазарии. М., 1966). Все они были выполнены также традиционными приемами, за одним исключением – они были написаны не академическим языком, а «забавным русским слогом», что повысило усвояемость текста и расширило круг читателей.

Однако главная цель достигнута не была, ибо был оставлен без ответа вопрос: где «начала и концы», т. е. границы, историко-географических феноменов? Поэтому пришлось специально разобрать теорию происхождения и исчезновения этносов на фоне изменяющейся природной среды.¹ Только после этого появилась возможность перейти от описания истории к пониманию ее как ряда закономерных процессов биосферы и социосферы. Но поскольку биосфера, как и вся поверхность Земли, мозаична, то столкновения этногенезов друг с другом неизбежны. Тогда явилась необходимость в еще одной книге, а именно в этой самой, ныне предлагаемой читателю. Но стоит ли задача такого труда, который необходим для ее решения? Стоит, и вот почему.

В истории человечества не все эпохи освещены равно. Там, где процессы социогенеза, этногенеза и ноогенеза (развития культуры) протекали без нарушений со стороны враждебных соседей, историкам было легко. При столкновениях этносов или государств трагические

¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

последствия просто фиксировались и одна из сторон объявлялась виновной в бедствиях другой. Но там, где вся канва истории проходила в зоне антагонистического контакта, уловить закономерность очень трудно; поэтому эти разделы истории остались либо ненаписанными, либо написанными крайне бегло и поверхностно. А жаль, ибо именно эти эпохи имели важное значение не только для их участников, но и для всемирной истории.

К числу таковых относится период IX–XII вв. в Юго-Восточной Европе. Здесь происходили контакты славян с русами, кочевников с оседлыми, христиан с язычниками, хазар с евреями. Все было перемешано и перепутано до тех пор, пока Владимир Мономах не внес вооруженной рукой ясность, после чего стало наконец понятно, где свои, а где чужие.

И тут постоянно возникает обывательский вопрос: а зачем изучать процессы, которыми мы не можем управлять? Есть ли в этом практический смысл, оправдывающий затраты труда и материальные потери? Ответим примерами! Управлять землетрясениями или путями циклонов люди не умеют, но сейсмография и метеорология помогают спастись от стихийных бедствий и, наоборот, использовать благоприятные условия с наибольшим эффектом. Ведь не все равно при цунами, предотвратить которого мы не можем, уйти на ближнюю гору или дать океанской волне смыть себя на дно. Ради собственного спасения необходимо изучать вулканическую деятельность, такую же стихийную, как этногенез.

Постановка проблемы

Тезис

Принцип этногенеза – угасание импульса вследствие энтропии,² или, что то же, утрата пассионарности системы из-за сопротивления окружающей среды, этнической и природной, – не исчерпывает разнообразия историко-географических коллизий. Конечно, если этносы, а тем более их усложненные конструкции – суперэтносы живут в своих экологических нишах – вмещающих ландшафтах, то кривая этногенеза отражает их развитие достаточно полно. Но если происходят крупные миграции, сопряженные с социальными, экономическими, политическими и идеологическими феноменами, да еще при различном пассионарном напряжении этносов, участвующих в событиях, то возникает особая проблема – обрыв или смещение прямых (ортогенных) направлений этногенезов, что всегда чревато неожиданностями, как правило неприятными, а иногда трагичными.

Если при таких коллизиях этнос не исчезает, то процесс восстанавливается, но экзогенное воздействие всегда оставляет на теле этноса рубцы и память об утратах, часто невозполнимых. Суперэтнические контакты порождают нарушения закономерности. Их следует всегда учитывать как зигзаги, само наличие коих является необходимой составной частью этногенеза, ибо никто не живет одиноко, а отношения между соседями бывают разнообразными.

При взаимодействии двух систем задача легко решается противопоставлением «мы – наши враги», но при трех и более получить решение трудно. А именно три этнокультурные традиции столкнулись в Восточной Европе в IX–XI вв., и только в XII в. зигзаг истории был преодолен, после чего начался культурный расцвет при пассионарном спаде, т. е. инерционная фаза этногенеза. Это уникальный вариант этнической истории, и тем-то он представляет интерес в ряде аспектов, о которых речь пойдет ниже.

Эволюционная теория Дарвина и Ламарка была предложена для объяснения видообразования, а этногенез – процесс внутривидовой и специфичный. Уже потому применение принципов эволюции к этническим феноменам неправомерно.

Этнические процессы дискретны (прерывисты), а исключения из этого правила – персистенты (твердые, устойчивые) – не продлевают свою жизнь, а останавливают ее, как Фауст остановил мгновение; но ведь тут-то его и зацапал Мефистофель! Значит, для динамичного этноса такое решение проблемы бессмертия противопоказано.

Для реликтового этноса-персистента возможны, кроме полной изоляции, три пути: 1) ждать, пока истребят соседи (элиминация); 2) включиться в живущий суперэтнос во время смены фаз и укрепиться в нем (инкорпорация); 3) рассыпаться розно (дисперсия). Все три варианта можно проследить всего за один век – XII. Этот век как бы антракт между надломом мира ислама, реанимацией Византии и детским буйством «христианской» Европы, пышно названным «крестовыми походами». Здесь легко проследить вариации соотношения Руси и Степи. Этим занимались самые замечательные историки XVIII–XIX вв., вследствие чего следует ознакомиться с их представлениями, но, конечно, под углом зрения этнологии, ибо эта новая наука уже показала, на что она способна. А основной тезис этнологии диалектичен: новый этнос, молодой и творческий, возникает внезапно, ломая обветшалую культуру и обездушенный, т. е. утративший способность к творчеству, быт старых этносов, будь то реликты или просто обскуранты; в грозе и буре он утверждает свое право на место под солнцем, в крови

² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

и муках он находит свой идеал красоты и мудрости, а потом, старея, он собирает остатки древностей, им же некогда разрушенных. Это называется возрождением, хотя правильнее сказать «вырождение». И если новый толчок не встряхнет дряхлые этносы, то им грозит превращение в реликты. Но толчки повторяются, хотя и беспорядочно, и человечество существует в своем разнообразии. Об этом и пойдет наша беседа с читателем.

И автору, и, вероятно, читателю интересна история Древней Руси, которая, по мнению летописца, возникла как определенная целостность только в середине IX в.³ А что было до этого? Кто окружал эту новорожденную этническую систему? Кто был ей другом, а кто врагом? Почему об этом негде прочесть, хотя источники повествуют о хазарах и варягах и даже о западных славянах, тюрках и монголах? В книгах есть простое перечисление событий, в том числе недостоверных. Они сведены в синхронистическую таблицу, предлагаемую ниже, но связи между этими событиями потребовали дополнительного критического анализа и выбора точки отсчета.

Наиболее выгодным пунктом для широкого обзора оказались низовья Волги, а проблема свелась к вопросу: почему Киевская Русь, испытавшая бесчисленные беды, не погибла, а победила, оставив потомкам роскошное искусство и блестящую литературу? Для того чтобы найти ответ, стоит постараться. Но не надо забывать, что в большую цель легче попасть, чем в маленькую. Поэтому рассмотрим наш сюжет на фоне обширного региона между Западной Европой и Китаем, ибо только такой подход поможет нам справиться с поставленной задачей.

³ Первая дата – 859 г.; Повесть временных лет (далее: ПВЛ). М.: Л., 1950.

Хазария и Ойкумена до 800 г

Начнем с краткого напоминания об исходной ситуации, на фоне которой начался изучаемый процесс. Самое легкое для восприятия – это обзор ойкумены на уровне суперэтнотетов с учетом возрастных фаз ненарушенных этногенезов.⁴ За исключением многочисленных реликтов, в том числе самих хазар, наиболее старыми были кочевники Великой степи, потомки хуннов и сарматов, этнические системы коих сложились в III в. до н. э. В 800 г. они имели три каганата: Уйгурский – на востоке Степи, Аварский – на западе и Хазарский – на Волге и Северном Кавказе. Только в этом последнем правила тюркютская династия Ашина, прочие уже вступили в фазу обскурации, заменяя оригинальную степную культуру заимствованными мировоззрениями, и оба каганата, несмотря на внешний блеск, находились на пороге гибели.

Пассионарный толчок I в. к середине II в. породил Византию, Великое переселение народов и Славянское единство. Эти три феномена находились в IX в. на рубеже фазы надлома и инерционной фазы этногенеза. Византии предстоял расцвет культуры, славянству – расширение ареала, а Франкской империи, созданной Карлом Великим в 800 г., угрожала неотвратимая судьба – в недрах ее, как в соседних Скандинавии и Астурии, шел инкубационный период нового пассионарного взрыва, в следующих IX–X вв. разорвавшего железный обруч Каролингской империи и зачавшего феодально-папистскую Европу, гордо назвавшую себя, и только себя, «христианским миром».

Наиболее активными были суперэтнотетсы, возникшие около 500 г. в полосе, тянувшейся от Аравии до Японии: мусульманский халифат, от которого уже оторвалась мусульманская Испания, раджпутская Индия, Тибет, превратившийся из маленького племени ботов в претендента на гегемонию в Центральной Азии, империя Тан, уже надломленная внешними неудачами и внутренними потрясениями, и Япония, внезапно вступившая на путь реформ, что принесло ей много горя.

Эти суперэтнотетсы находились в акматической фазе этногенеза. Пассионарность разрывала их на куски, ломала культурные традиции, мешала установлению порядка и в конце концов, прорвав оковы социальной и политической структуры, растекалась по сектантским движениям, губительным, как степные пожары. Но это была пока перспектива, а в 800 г. халифат Аббасидов, Тибетское царство и империя Тан стояли столь крепко, что казались современникам вечными. Обычная аберрация близости, характерная для обывательского восприятия мира, – современное считается постоянным.

Но, несмотря на разнообразие возрастов, вмещающих ландшафтов, культурных типов и при вариабельности политических форм феодализма, между всеми перечисленными этнотетсами, да и реликтами, было нечто общее: все они появились вследствие взрывов пассионарности в определенных географических регионах, к которым были уже приспособлены их предки – этнические субстраты. Следовательно, миграции их носили характер расселения в сходных ландшафтных условиях, привычных и пригодных для ведения хозяйства традиционными приемами. Исключение составляли некоторые германские этнотетсы: готы, вандалы, руги, лангобарды. Так они и погибли как этнические системы, а их потомки слились с аборигенами Испании, Италии и Прованса. Этнотетсы франков и англосаксов расширились в привычном ландшафте... и уцелели.

Благодаря этой географической закономерности в I тысячелетии н. э. почти незаметна роль этнических химер, которые если и возникали в пограничных районах, например в IV–V вв. в Китае,⁵ то были неустойчивы и недолговечны. Но и тут было исключение из правил:

⁴ Подробнее см.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

⁵ См.: Гумилев Л. Н. Хунны в Китае.

этнос, освоивший антропогенный ландшафт вместе с его аборигенами, стал независим от природных ландшафтов и получил широкую возможность распространения. Для этого этноса ареалом стала вся ойкумена, а контакты его с местными жителями стали не симбиотичными, а химерными. Посмотрим (оставаясь в пределах окрестностей Каспийского моря), как возникали такие системы и к чему это привело аборигенов и мигрантов. Этого будет для решения поставленной задачи необходимо и достаточно.

Однако история культуры на территории Восточной Европы в I тысячелетии изучена весьма неполно. Следы ее исчезли, но это повод, чтобы поставить проблему так: культурный ареал всегда имеет центр, как бы столицу, которой принадлежит гегемония. Древняя Русь перехватила гегемонию у Хазарского каганата в X в. Следовательно, до X в. гегемония принадлежала хазарам, а истории Древней Руси предшествовала история Хазарии. Но история Хазарии имела две стороны: местную и глобальную, принесенную с Ближнего Востока еврейскими эмигрантами. Без учета фактора международной торговли история не только Хазарии, но и всего мира непонятна.

Поскольку выводы, к которым мы пришли, весьма отличаются от традиционных, основанных на летописной версии, необходимо объяснить читателю, почему у автора появилось право на недоверие к источникам. А чем отличается этническая история от истории социально-политической и культурно-идеологической, будет ясно из текста и характера изложения.

Что искать и как искать?

Поставленная нами задача одновременно и перспективна, и крайне сложна. С одной стороны, в Юго-Восточной Европе переплелись воздействия многих суперэтносов: евразийских тюрков – наследников эпохи Великого каганата,⁶ Византии, мусульманского мира эпохи халифата и «христианского мира», только что сложившегося в суперэтническую целостность. Не меньшее значение имели реликты Великого переселения народов Азии – неукротимые угры, воинственные куманы (ветвь динлинов). Но на первом месте стояла Древняя Русь, сомкнувшая свои границы с Великой степью. Уловить и описать характер взаимоотношений этих этнических групп на одной территории и в одну эпоху – значит решить проблему этнического контакта путем эмпирического обобщения.

Но, с другой стороны, история хазар писалась неоднократно и осталась непонятной из-за разнообразия многоязычных источников, свести которые в непротиворечивую версию крайне сложно. То же самое можно сказать об археологических находках, в том числе сделанных автором. Без дополнительных данных они проблему не проясняют.

И, наконец, по поводу значения этнических контактов для истории культуры общего мнения нет. Одни считают, что любой контакт и метисация – благо, другие утверждают, что это гибель, третьи полагают, что смешение народов вообще не имеет значения для их судьбы. Но, самое главное, никто не привел достаточно веских аргументов в свою пользу и опровержений иных точек зрения.

Мы придерживаемся четвертого мнения: смеси чего угодно – газов, вин, людей... – не могут быть подобны первичным ингредиентам, но последствия смешений этносов всегда разнообразны, ибо зависят от ряда обстоятельств: 1. Характера взаимодействия того и другого этноса с окружающей географической средой, ибо от этого зависят способы ведения хозяйства, которые вызывают либо симбиоз, либо соперничество. 2. Соотношения фаз этногенеза обоих компонентов. Фазы могут совпасть или нет, а в последнем случае более пассионарный этнос давит на соседа независимо от личного желания отдельных его представителей, даже вопреки их воле. 3. Комплиментарности, проявляющейся при совмещении культурно-психологических доминант, которая может быть позитивной или негативной. Знак комплиментарности проявляется в безотчетной симпатии или антипатии на популяционном уровне. 4. Перспективности контакта, ибо он может вести либо к ассимиляции одного этноса другим, либо к элиминации, а проще – истреблению одного этноса другим, либо к слиянию двух этносов в единый третий – это и есть рождение этноса.

Короче говоря, решение поставленной проблемы требует привлечения не только географии, но и истории, т. е. описания событий в их связи и последовательности на том уровне, который в данном случае является оптимальным. И найти этот уровень необходимо.

⁶ См.: Гумилев Л. Н. Древние тюрки.

Необходимо и достаточно

Говорят, и это верно, что в одной книге нельзя написать всего, что знаешь. Да это и не нужно читателю, который не собирается перешеголять автора эрудицией, но желает получить представление о предмете исследования.

Значит, автор должен чем-то пожертвовать, а самое целесообразное – не писать того, «что все равно напишут немцы» (как говаривал Н. В. Тимофеев-Ресовский), т. е. библиографию и историю вопроса. Действительно, библиография по хазарам, составленная Славянским отделом Нью-Йоркской публичной библиотеки, опубликована в «Bulletin of the New York Public library». 42 (N.Y., 1938. P. 695–710), а вслед за тем в книге Моравчика (Moravcsik G. *Byzantinoturcica*. I. Berlin, 1958), не считая ряда других изданий.⁷ Ну зачем повторять прекрасно проделанную работу? А что нужно?

Считается, что на возникший у читателя вопрос должен быть ответ в источниках и исследованиях. Но его там нет! Ответ содержится не в самих сочинениях, а где-то между ними, и решение вытекает из широких сопоставлений фактов и явлений. Следовательно, та история, которая нам нужна, может быть написана не по источникам, а по фактам, отслоенным от источников. Это возможно потому, что таких фактов скопилось достаточно. Казалось бы, задача проста. Политическая история Хазарии коротка – 650–965 гг., территориально ограничена, связи с соседями прослеживаются четко. Литература вопроса необъятна, но, к счастью для нас, это потеряло значение после появления сводной работы М. И. Артамонова «История хазар». Эта книга содержит почти весь нужный нам материал по политической истории Хазарского каганата, но слабо освещает хазарскую палеогеографию и палеоэтнографию, а также оставляет нерешенным ряд проблем, что лишь отчасти восполнено нами при редактировании этой книги, в подстрочных примечаниях и последующих публикациях.

Книга М. И. Артамонова – это история событий, проливающая на проблему яркий и чистый белый свет. Но известно, что, преломляясь в фокусе линзы, этот свет распадается на разноцветный спектр, а это-то и нужно для анализа явления. Красный луч социального прогрессивного развития, желтый свет с оранжевым золотистым оттенком – культурная традиция, сине-зеленые тона – воздействие климатических изменений вечно колеблющегося воздушного океана и белесый ультрафиолет пассионарного напряжения, невидимый, но обжигающий кожу, – все это разнообразие доступно лишь современному ученому, совмещающему естествознание с историей и социологией.

История событий для этнолога – необходимый трамплин, исходный пункт изучения. Эта история ставит вопрос «как?», но не «почему?» и «а не могло ли быть иначе?». А ведь именно эти вопросы волнуют читателей XX в. Поэтому дальнейшее развитие идей и тем М. И. Артамонова не снижает значения его труда, а, наоборот, дает его вкладу в науку новую жизнь.

В 1959–1963 гг. в дельте Волги были обнаружены хазарские погребения и могилы соседей хазар.⁸ Тогда же удалось установить характер климатических колебаний в степной зоне Евразии и даты трансгрессий Каспийского моря, весьма сильно повлиявших на судьбу волжских хазар.⁹ Физическая география внесла свой вклад в историю. Но всего этого оказалось мало для связного объяснения величия и падения Хазарии. Потребовалось привлечение этнологической методики и нескольких дополнительных исследований, чтобы кратко и четко, с минимальным числом деталей истолковать этническую историю Хазарии и сопредельных стран.

⁷ См.: Артамонов М. И. История хазар. С. 7.

⁸ Gumilev L. N. New Data on the Khazars // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 19. Budapest, 1967. P. 61–103 (литература на рус. яз. – в сносках).

⁹ Gumilev L. N. Les fluctuations du niveau de la mer Caspienne // *Cahier du monde russe et soviétique*. Vol. VI. № 3. Paris – Sorbonne, 1965. P. 331–336 (литература на рус. яз. – в сносках).

Границы бывают пространственные, временные и каузальные, т. е. причинные. Поскольку в трактате «Этногенез и биосфера Земли» было показано, что этническая история не беспорядочный набор сведений, «без начала и конца» (А. Блок), и не просто «дней минувших анекдоты» (А. Пушкин), а строгие цепочки причинно-следственных связей, с началом и концом, переплетенные между собой, то, чтобы попасть в цель, надо учитывать прошлое процесса, его окружение в изучаемый период и общую панораму после пятого акта трагедии. Да, именно трагедии, ибо каждый «конец» – это гибель того, чему было посвящено историческое повествование.

Поэтому автор просит читателя ознакомиться с историей Нижнего Поволжья¹⁰ и добавляет к этому здесь предваряющий экскурс об этносе, внедрившемся в просторы Великой степи, благодаря чему и возник зигзаг истории, которого могло бы и не быть, если бы события на Ближнем Востоке в I тысячелетии н. э. происходили хоть чуть-чуть иначе.

Среди историков бытует убеждение, что все, что произошло, не могло не произойти, сколь бы незначительным ни было событие по масштабу. Это мнение нигде не доказано, по сути дела предвзято, а потому не обязательно ни для читателя, ни для мыслителя. Конечно, законы природы и социального развития не могут быть изменены произвольно, но поступки отдельных персон не предусмотрены мировым порядком, даже если они влекут за собой существенные последствия. Другое дело, что они взаимно компенсируются в процессах глобальных, региональных и эпохальных, но образуемые этими поступками зигзаги дают ту степень приближения, которая необходима для уточнения описываемого явления. Вот почему учет подробностей для этнической истории не помеха, хотя и не самоцель.

¹⁰ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. IV. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: ВИНТИ, 1987.

Способ исследования

Этнологическое исследование в отличие от исторического, базирующегося на источниках, основано на сумме достоверных фактов, почерпнутых из монографий, где источники прошли проверку путем исторической критики. Но если привлечен новый материал, или старый требует пересмотра, или учтены малоизвестные сведения из смежных областей, связанных с нашим сюжетом, исследования проведены традиционной методикой и отражены в сносках.

Несоблюдение этого условия сделало нашу работу трудной для чтения из-за перегрузки мелочами, которые отвлекают внимание читателя, но не дают ничего существенно нового и важного.

Значительную часть книги М. И. Артамонова составляет пересказ источников с большим количеством подробностей, повторять которые нет смысла. И, наоборот, там нет анализа международных политических и культурных связей, а также фона этнической истории, на котором протекала хазарская трагедия, унесшая великий этнос в небытие. А именно последнее представляет интерес для современного читателя.

По нашему мнению, разделяемому отнюдь не всеми, задача науки не столько в том, чтобы констатировать известные факты, но еще и в том, чтобы путем анализа и синтеза установить факты неизвестные и в источниках не упомянутые. Одним из наиболее эффективных способов исторического синтеза является применение системного подхода.

Представим себе автора литературного произведения или нарративного источника и того читателя, которому автор адресует свой труд как простую систему односторонней информации. Иными словами, автор убеждает читателя в том, чего тот не знает или чему не верит, но может узнать или поверить при достаточно талантливом рассказе. Проходят годы, а иногда века. Автор и читатель умерли, но произведение осталось. Значит, сохранилась его направленность, благодаря чему мы можем сообразить, что читатель – современник, который держался иных взглядов, нежели автор, был либо переубежден и зачарован его талантом, либо остался при своем мнении. В любом случае это незаписанное мнение читателя восстанавливается с известной степенью точности. Последняя может быть повышена, если нам известны историческая обстановка и события, актуальные для изучаемой эпохи.

Так начнем с известного, с глобального окружения, чтобы восполнить неясное и понять, почему роль гегемона в Восточной Европе перешла от Хазарии к Древней христианской Руси.

Но знает ли эти события читатель? И обязан ли он знать их в том плане и в тех ракурсах, которые нужны для решения поставленной задачи? И, наконец, может ли он, даже будучи эрудитом, угадать, что имеет в виду автор, только упоминаящий, а не описывающий какой-либо факт из истории раннего Средневековья? Разумеется, нет! И поэтому автор обязан изложить свое понимание процессов, что легче всего сделать, пользуясь испытанным способом наглядного хронологического повествования.

И даже если найдется привередливый читатель, который будет недоволен тем, что ему встретятся в тексте места знакомые, упоминавшиеся в других, куда более монументальных работах, то пусть он рассматривает их как информационный архив, заменяющий множество отсылочных сносок и громоздкую библиографию. Ведь наше сочинение не справочник, а книга для чтения, и назначение ее в том, чтобы принести читателю радость познания.

Без чего надо обойтись

Каждый историк начинает с того, что стремится к широкому обобщению своей темы. Он как бы хочет написать картину на широком полотне, но часто вынужден ограничиться серией этюдов. Однако некоторым благоприятствует судьба: вместо альбома этюдов, т. е. частных исследований по узким сюжетам, появляется картина. Как правило, такие «картины» имеют дефекты, из-за которых возникает недоверие к предлагаемым трактовкам. Но игнорировать такие попытки нельзя: это академически некорректно.

История хазарской проблемы до 1962 г. изложена у М. И. Артамонова.¹¹ и, согласно принятому здесь принципу – не повторяться, рассматриваться нами не будет. Но за последние 20 лет на Западе появились концепции, облеченные в форму монографий, касающиеся нашей темы и оригинальные настолько, что их надо либо принимать полностью, либо объяснить причины недоверия к ним. И хотя последнее будет ясно из текста нашей книги, а упомянутые монографии в ней цитироваться не будут, не написать об их существовании и значении просто невежливо по отношению к их авторам. Наиболее парадоксальным является взгляд Артура Кестлера¹²

Он полагает, что с VII по XII в. от Черного моря до Урала и от Кавказа до сближения Дона с Волгой распространилась полукочевая империя, в которой обитали хазары – народ тюркского происхождения (?). Занимая жизненно важный стратегический проход (откуда и куда?) между Черным и Каспийским морями, они играли важную роль в кровавых событиях в Восточно-Римской империи. Они были буфером между грабителями-степняками и Византией (?). Они отбили арабов и тем предотвратили завоевание исламом Восточной Европы. Они пытались сдержать вторжение викингов в Южную Русь, к византийским границам (но в Византию викинги попадали по Средиземному морю. – Л.Г.).

Где-то около 740 г. (дата неверна) царский двор и правящий военный класс обратились в иудаизм. О мотивах этого необычайного события ничего не известно. Вероятно, это давало определенное преимущество для маневрирования между соперничавшими христианским и мусульманским «мирами».

К X в. появился новый враг – викинги, скоро ставшие известными как русы (устарелое и неверное отождествление: русы известны с IV в.). Хазарский бастион Саркел был разрушен в 965 г. Центральная Хазария осталась нетронутой, однако государство хазар пришло в упадок.

Основной тезис книги, ради которого она написана, таков: поток еврейской миграции в Европу шел не через Средиземноморье, как раньше считалось (и как оно и было), а из Закавказья через Польшу и Центральную Европу. Поэтому обитатели Восточной Европы – потомки евреев – тринадцатое колено Израилево. Почему эта точка зрения неприемлема, будет видно из дальнейшего.

Выбранный нами угол зрения – рассмотрение ранней истории Древней Руси как последовательности русско-хазарских связей – позволяет избежать полемики по мелким вопросам. В 50–60-х годах в Америке опубликованы два исследования по предыстории Руси.¹³ Выполнены они на русских материалах, тех самых, которые нам доступны. Оба содержат много мелких неточностей, главным образом из-за некритического восприятия теории существования третьего центра Руси – Азово-Черноморского, население которого произошло от сарматов (роксаланов). Эта концепция, родившись в России, ныне не разделяется подавляющим большинством

¹¹ См.: Артамонов М. И. История хазар. С. 7–40.

¹² Koestler Arthur. Thirteenth Tribe – The Khazar Empire and its Heritage. London, 1976.

¹³ Vernadsky G. The Origins of Russia. Oxford, 1959; Ляшевский С. История христианства в земле Русской с I в. по XI в. и очерки по предыстории России. New York; Brooklyn, 1967.

ученых, в числе коих находится автор. Но оспаривать эту версию можно либо путем скрупулезной проверки деталей источников, либо путем противопоставления собственной версии, в которой эти детали получают истолкование без гипотез и натяжек. Второй путь лучше, ибо римляне называли скрупулюсом камешек, попадавший в сандалии и коловший пятку. Его надо было просто вытрясти, а не изучать. Кроме того, наши академические требования выше, чем в США, в том смысле, что у нас заведомо неверные даты не публикуются, а собственные гипотезы оговариваются как необязательные для читателя. Г. В. Вернадский при составлении хронологической таблицы по древней истории Руси снабдил сомнительные даты звездочками, и стало ясно, что все достоверные факты известны и нам.¹⁴ Но С. Ляшевский для подкрепления своих гипотез привлек данные «Влесовой летописи»,¹⁵ хотя она издана не полностью и не прошла проверки исторической критикой. Напрасно он это сделал, потому что ссылаться на его исследование стало опасно: а вдруг князь Святаяр или происхождение Рюрика от дочери Гостомысла Умилы – вымысел, домысел или нечеткое чтение текста? Ведь одна такая оплошность может повлиять на выводы и тем самым скомпрометировать всю работу. Да и нужны ли для истории такие уточнения? Сам С. Ляшевский пишет: «...ничего выдающегося в этой летописи нет, что резко изменило бы наши знания о прошлом».¹⁶ Поэтому эти работы как пособие нами не использованы, хотя точки зрения авторов во внимание приняты.

Иной характер носит книга Сергея Лесного (С. Парамонова). Она удивляет читателя. Из пяти основных тезисов автора советский читатель воспринимает четыре как нечто общепризнанное,¹⁷ а пятый – о «Влесовой книге» – как личный каприз автора. Отсутствие ссылочного аппарата лишает читателя возможности проверить правильность и полноту цитат, а там, где предмет известен, оказывается, что он описан неверно. Упреки в адрес советских историков несправедливы, а в адрес зарубежных коллег, например Г. В. Вернадского, – грубы. Домыслы Сергея Лесного, которыми он подменяет научные доказательства, граничат с фантастикой, а ссылки на «Влесову книгу» не спасают, ибо сведения ее крайне сомнительны. Тема Хазарии вообще оказалась вне поля зрения автора, что дает право отказаться от цитирования его труда. Нецелесообразность историографического обобщения продемонстрирована в работе А. Н. Сахарова «Дипломатия древней Руси: IX – первая половина X в.».¹⁸ Автор проявил несказанное трудолюбие, изучив огромное количество статей по некоторым важным вопросам истории Киевской Руси, но не все, что сделало его книгу однобокой, а версию исторического процесса – неубедительной. По существу, он принял за схему летописную традицию, по которой категория «Русь» совпадала с державой династии Рюриковичей. Думается, что эта концепция несколько устарела. Даже если назвать государство Олега и Игоря раннефеодальным, дело не изменится, ибо этническое несходство сначала «русов» и «дулебов», а потом славяно-россов и варягов очевидно. Его отмечали авторы X в. и признавали историки XX в. Поэтому отрыв истории дипломатии от историко-географического фона неоправдан.

Однако историография, собранная А. Н. Сахаровым, может быть полезна как любая сводка материала: она облегчает составление синтетических работ. Важно лишь осторожно относиться к «Заключению» и ко второй книге – «Дипломатия Святослава»,¹⁹ так как выводы А. Н. Сахарова отнюдь не подкрепляются приводимыми им самим фактическими данными. Но это не вина, а беда.

¹⁴ Vernadsky G. Ancient Russia. New Haven, 1952.

¹⁵ См.: Лесной С. Влесова книга. Виннипег, 1966.

¹⁶ Ляшевский С. Указ. соч. С. 169.

¹⁷ См.: Лесной Сергей. Русь, откуда ты? Виннипег, 1964. С. 6–10. Автор считает, что 1) скандинавы не играли роли в образовании Русского государства; 2) русь как племя создано в начале новой эры и всегда было славянским; 3) славяне – автохтоны Центральной Европы; 4) у древних славян была руническая письменность; 5) «Влесова книга» достоверна.

¹⁸ См.: Сахаров А. Н. Дипломатия древней Руси: IX – первая половина X в. М., 1980.

¹⁹ См.: Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1982.

Третья книга А. Н. Сахарова – «Мы от рода русского. Рождение русской дипломатии»²⁰ – издана в научно-популярной серии, что дает право ограничиться простым упоминанием. Впрочем, нельзя не удивиться тому, что автор книги считает своими предками древних ругов, а не славян, но, может быть, он прямой потомок Рюрика и в состоянии проследить свою генеалогию далее тысячи лет. Оспаривать его признание нецелесообразно, ибо в приведенном им же тексте «от рода русского» было 15 человек: «Карл, Ингелд, Фарлоф, Вельмуд, Рулов, Гуды, Руалд, Карн, Фрелов, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид» (Сахаров А. Н. Мы от рода русского... С. 138). И ни одного славянина!

Итак, неприятие названных выше сочинений связано либо с историко-географической путаницей, либо с законным недоверием к недостоверным источникам. Автор этой книги дважды неоригинален: он, как все, хочет создать широкую историческую картину, но только на установленных фактах, путем логически непротиворечивых версий; и, как принято, он проверяет эти факты традиционными приемами исторической критики. Оригинальным же является этнологический подход, принципы коего изложены в трактате «Этногенез и биосфера Земли». Собственно говоря, эта работа написана ради проверки эффективности предложенного естественнонаучного подхода к истории народов (этносов) и их взаимодействий. Именно наличие такого подхода помогло автору избежать соблазнов, примеры которых приведены выше. Насколько это удалось, пусть судит читатель, прочитавший книгу до конца.

²⁰ См.: Сахаров А. Н. Мы от рода русского. Рождение русской дипломатии. Л., 1986.

Условимся о значении терминов

В историческом повествовании часто приходится употреблять в качестве научных терминов многозначные слова. Это иной раз затрудняет взаимопонимание, особенно при обмене мнениями. «Великая степь» – термин условный, так как в степной зоне Евразийского континента много а зональных ландшафтов: горные хребты, поросшие лесами, речные долины, оазисы в бесплодных пустынях. Но этот термин стал привычным и пользование им незатруднительно.

Гораздо труднее обстоит дело в тех случаях, когда этнокультурные границы подвижны. Например, термин «Европа», введенный Геродотом, в его время не включал Скифию и страну гипербореев. В Средние века он на некоторое время вышел из употребления, ибо Испания с 711 г. стала «Востоком», Византия – особым культурным регионом, а бассейн Балтики – полем перманентной войны феодально-католического «христианского мира» с язычниками – славянами, пруссами, литовцами и эстами.

Еще сложнее термин «Древняя Русь». Он привычен, но не прост, а история его полна противоречивых толкований. Если стоять на уровне исторических источников XII–XIII вв., то ясно, что термина «Древняя Русь» в них нет, поскольку Русь была им современной. Древней она стала лишь в XV в., когда потребовалось обосновать притязания Ивана III на все территориальное наследие Рюриковичей. Так возникла схема единства, непрерывности исторического процесса, начиная от Рюрика, причем, по принятой схеме, менялись только столицы, да и то в строгом порядке: Киев, Владимир, Москва, Петербург. А эпохи смут и распадов считались следствием ошибочной политики великих князей. Натянутость и искусственность этой концепции очевидны, но ведь и выросла она не как научное обобщение, а как обоснование политической программы московских великих князей и царей.²¹

А. Е. Пресняков отмечает, что основным дефектом официальной схемы является невнимание к Западной Руси, даже фактическое исключение ее из русской истории. Этот раздел подлинно русской истории отходит к истории Польши, что отнюдь не верно. Так, чтобы найти место для Золотой Орды, пришлось создать концепцию татарского ига.²² Это органический недостаток концепции, которая предметом изучения считает институт государства.

Изучение культуры, неотъемлемого раздела истории, дает другой вывод, который сделал П. Н. Милюков в ранней работе «Очерки по истории русской культуры». Тезис этой книги таков: «Можно сказать, что русская народность, достигшая значительных успехов на юге, на севере должна была начинать историческую работу сначала».²³

Наблюдение тонкое, но интерпретация неприемлема. По мнению П. Н. Милюкова, до XVI в. Руси как целостного феномена не было, а каждая область жила своей отдельной исторической жизнью. Это представление вытекает из господствовавшей тогда эволюционной теории, воспринятой без критики и не учитывавшей скачкообразности исторического развития.

Шаг назад сделал львовский профессор М. С. Грушевский, работавший в Австро-Венгрии, тоже нуждавшийся в политическом обосновании оккупации Австрией Галиции. Здесь была предложена схема, напоминающая русскую государственную, но наоборот. Литов-

²¹ См.: Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938. С. 1–2.

²² Проблема взаимоотношения Золотой Орды и Руси искусственно осложнена. То, что русские называли хана царем и платили в Орду «выход», несомненно, но во внутренние дела Руси ханы не вмешивались и, требуя от кочевых подданных после принятия ислама отречения от монгольской культуры (ясы) и религии, не требовали этого от русских. Скорее здесь была уния при главенстве Орды, а Русь рассматривалась как самостоятельный улус, примкнувший к Орде по договору, а не вследствие завоевания (см.: Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. С. 398 и след.; Он же. Апокрифический диалог // Нева. 1988. № 3, 4).

²³ Цит. по: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 3.

ско-польская Речь Посполитая была объявлена продолжением Киевской Руси, а Владимиро-Московская Русь представлена особым народом, соперником и даже врагом «Украины – Руси».²⁴ Эта идея основывалась на том, что в начале XX в. категория «этнос» еще не была раскрыта. На эту неопределенность А. Е. Пресняков указывает как на главную трудность при разрешении поставленной здесь проблемы.²⁵

И он приводит опровержение схемы М. С. Грушевского, указывая на полное отсутствие признаков вражды и даже различия между северными и южными русичами в киевский период. «Вражда киевлян и новгородцев, киевлян и суздальцев проявляется не в иных... формах, чем соперничество в борьбе владимирцев и ростовцев во время усобиц между сыновьями Андрея Боголюбского».²⁶ И от себя добавлю – чем между киевлянами и черниговцами. Достаточно вспомнить жестокую расправу над Игорем Ольговичем в 1147 г. и погром Киева в 1203 г., после коего город долго не мог оправиться. Только в XIV в., когда Ольгерд и Витовт покорили Киев, Чернигов, Курск, Смоленск, судьбы юго-западных и северо-восточных русских разошлись. Но в XVII в. Украина, а в XVIII в. Белоруссия и Волынь воссоединились с Россией, причем не путем завоевания их Москвой, а путем освобождения от польского ига, которое было куда тяжелее ордынского.

Современная точка зрения, общепринятая в советской науке, тоже принимает XIV век за «водораздел» между древней, Киевской, Русью с ее северо-восточной окраиной – Суздальским и Владимирским княжествами и выделением из общерусского этноса трех новых: великороссов, белорусов и украинцев.²⁷ Такая периодизация не требует поправок, но остаются неясными вопросы: 1) в чем причина ошибочности трех прежних концепций? (а причина эта явно общая); 2) каким образом удалось заведомую ошибочность преодолеть, а причину общей ошибки устранить? Краткие ответы на эти вопросы: 1) предложенная летописцем Нестором дата основания Руси – 862 г.; 2) работами А. А. Шахматова и Д. С. Лихачева о древнейших славянах и концепцией этногенеза автора этих строк.

История восточного славянства и русского этноса началась задолго до Рюрика, полагает А. А. Шахматов. Пересказ его теории происхождения восточного славянства²⁸ не входит в нашу задачу. Нам достаточно знать его выводы. Признавая первой славянской родиной бассейн Западной Двины, А. А. Шахматов называет второй родиной Повисленье, которое в III–II вв. до н. э. покинули бастарны и куда во II в. н. э. пришли готы. Тогда же славяне были втянуты в Великое переселение народов, что заставило славян расколоться на западных – венедов – и южных – склавинов. Тогда же выделились анты (поляне), двинувшиеся на юго-восток.

Отметим, что по этнологической терминологии здесь описан пассионарный толчок. Это и есть начало процесса этногенеза славян и византийцев (ромеев-христиан). По предположению А. А. Шахматова, принятому А. Е. Пресняковым, от Черноморского побережья славян оттеснили авары и болгары, из-за чего славяне заняли лесную полосу между Днестром и Днепром, т. е. Волынь, что и есть первое общеславянское государство, разгромленное аварами. В VII в. болгар разогнали хазары, а общеславянское царство распалось, выделив Болгарию, Чехию, Польшу и Поморье.

Из Южной Прибалтики на восток двинулись две волны славян: кривичи, создавшие Смоленск, Полоцк, Витебск, Псков, и словене, создавшие Новгород и расселившиеся в Верхнем

²⁴ См.: Грушевский М. С. История Украины – Руси: В 5 т. Т. I–III. Львов, 1904–1905; Т. IV. Львов, 1903; Т. V. Львов, 1905; см. также: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 4–5.

²⁵ А. Е. Пресняков дает критический разбор аспектов этнической диагностики: расового, языкового, культурно-психологического – и делает вывод: «Государства возникают раньше наций» (Указ. соч. С. 6), но не говорит, почему они возникают. Нашу точку зрения см.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

²⁶ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 10.

²⁷ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней: В 2 т. М., 1966.

²⁸ См.: Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. Ср.: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 14–26.

Поволжье. Радимичи и вятичи пришли «от ляхов».²⁹ Расселение повело к распаду бывшего племенного единства. Наконец в IX–X вв. сложилась Киевская Русь – «крупное явление в истории восточного славянства», – распавшаяся во второй половине XII в.³⁰

Под «распадом» А. Е. Пресняковым понимается политическая дезинтеграция, но не этногенез, так как в фазе обскурации, сопровождавшейся расцветом культуры (и так бывает), древнерусский этнос дожил до конца XIV в. и лишь в XV в. уступил место ныне бытующим восточнославянским этносам.

На этом фоне, даже если без критики принимать рассказ Нестора о «призвании варягов» в Новгород, очевидно, что узурпация Рюрика – это эпизод в тысячелетней истории восточного славянства, почему-то выпяченный летописцем, тогда как события более крупные им опущены или затушеваны.

Признав это, мы получаем непротиворечивую версию, по которой процесс этногенеза «ведет себя» так же, как видообразование. Ныне в эволюции каждой отдельной группы живых организмов палеонтологи выделяют три стадии. На первой наблюдается мощный подъем жизнедеятельности. На второй они приспосабливаются к различным условиям и расширяют ареал. А на третьей происходит узкая внутренняя специализация, которая приводит либо к гибели, либо к застою. Изменение привычных условий существования делает вид, или в нашем случае этнос, особенно уязвимым, так как жизнеспособность системы падает. В палеонтологии это явление рассматривается как «прерывистое равновесие»,³¹ в истории – как дискретность этнических процессов.

Киевская Русь – третья стадия славянского этногенеза. Она возникла тогда, когда славянство перестало существовать как целостность, сохранив как реминисценцию бывшего единства общепонятность речи, или близость языков.

Таким образом, мы установили временные границы Древней Руси, а пространственные еще предстоит уточнить.

²⁹ См.: Шахматов А. А. К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры // Русский филологический вестник. № 1. Варшава, 1913. С. 1–12. Ср.: ПВЛ. Ч. II. С. 225–226.

³⁰ См.: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 12.

³¹ Ростовцев К. О. Отчего погибли динозавры // Ленингр. правда. 1983. 25 ноября.

Восточные славяне, но еще не Русь

Вот прошло 70 лет, и стало ясно, что локализации А. А. Шахматова подтвердились. Работами украинских археологов и историков установлены ареалы археологических культур славянской прародины и уточнены датировки.³² Начало славянского расселения – эпоха зарубинецкой культуры. Славяне двигались от верховья Вислы на юг, в Поднепровье, и на север, к верховьям Днепра, Десны и Оки; в III–V вв., в период «готских войн», – на юг, до Дуная и в степное Причерноморье, на северо-восток – на Днепровское левобережье. Причинами миграции предложено считать демографический взрыв и исчерпание фонда свободных земель,³³ но кажется парадоксальным, что мотив – желание жить – был связан с повышенной воинственностью, а ведь на войне риск гибели велик.

В VI в. славяне продолжали распространяться на запад, через проходы в Карпатах до Тиссы, вверх по Дунаю и в междуречье Вислы и Одера,³⁴ и на юг – в 550–551 гг. они форсировали Дунай и к IX в. заняли «всю Элладу»,³⁵ а часть их перебралась в Малую Азию.

Как ныне установлено, славяне не были аборигенами Восточной Европы, а проникли в нее в VIII в., заселив Поднепровье и бассейн озера Ильмень. До славянского вторжения эту территорию населяли русы, или россы, – этнос отнюдь не славянский. Еще в X в. Лиутпранд Кремонский писал: «Греки зовут Russos тот народ, который мы зовем Nordmannos – по месту жительства» – и помещал этот народ рядом с печенегами и хазарами на юге Руси.³⁶ Скудные остатки языка россов – имена и топонимы – указывают на их германоязычие. Название Днепровских порогов у Константина Багрянородного приведены по-русски: Ессыпы, Ульворен, Геландра, Ейфар, Варуфорос, Леанты, Струвун – и по-славянски: Островунипрах, Неясить, Вулнипрах, Веруци, Напрези.

Бытовые навыки у славян и русов были тоже различны, особенно в характерных мелочах: русы умывались перед обедом в общем тазу, а славяне – под струей. Русы брили голову, оставляя клоки волос на темени, славяне стригли волосы «в кружок». Русы жили в военных поселках и «кормились» военной добычей, часть которой продавали хазарским иудеям, а славяне занимались земледелием и скотоводством. Авторы X в. никогда не путали славян с русами.³⁷

Но при этом нельзя считать русов скандинавскими варягами, так как последние начали свои походы в IX в., а русы известны как самостоятельный этнос авторам VI в. – Иордану и Захарии Ритору. Единственной непротиворечивой версией является заявление епископа Адальберта, назвавшего княгиню Ольгу царицей ругов, народа, западная часть которого погибла в Норике и Италии в V в., а восточная удержалась в Восточной Европе до X в., оставив в наследство славянам династию и название державы. Этот факт наводит на размышления.

Археологами древние славяне сопоставляются с черняховской и пеньковской культурами, причем отмечается смешанный этнический состав носителей этих культур; от Задунавья на юго-западе до Курской земли на северо-востоке, от Южного Полесья до Северного Причерноморья,³⁸ во II–V вв. кроме славян жили дако-фракийцы, сарматы³⁹ и, возможно, готы⁴⁰

³² Славяне расселялись из области между Днестром, Припятью и Верхней Вислой (см.: Баран В. Д. Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983. С. 40).

³³ См.: Брайчевский М. Ю. Славяне в Подунавье и на Балканах в VI–VIII вв. // Славяне на Днестре и Дунае. С. 221–222.

³⁴ См.: Баран В. Д. Указ. соч. С. 45.

³⁵ См.: Брайчевский М. Ю. Славяне в Подунавье... С. 225. Славянским по языку население Пелопоннеса оставалось до XIX в., т. е. до освобождения Греции от турок. Но школа и литература на новогреческом языке заставили потомков славян – майнотов – сменить и язык, что выделило «греков» из прочих южных славян.

³⁶ Цит. по: Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб. Б. г. С. 61.

³⁷ Подробнее см.: Артамонов М. И. История хазар. С. 289–295.

³⁸ См.: Винокур Н. С. Черняховские племена на Днепре и Дунае // Славяне на Днестре и Дунае. С. 131.

но после нашествия гуннов остались только славяне, смешавшиеся в VI–VII вв. с гето-дакийскими племенами.⁴¹

Возможности археологии ограничены. Эпоху можно определить удовлетворительно, но этнический состав – невозможно. Материальная культура перенимается соседями легко, ибо зависит от ландшафтных условий и уровня техники, а здесь и то и другое совпадало. Обряд погребения показывает культ, но ведь религия не всегда однозначно соответствует этносу. Важнее другое: славянская культура VI–VII вв. отличается от черняховской. Исчезают трупоположения, могилы беднеют. Короче говоря, более древние культуры и их носители были субстратами быстро растущей славянской целостности, находившейся в фазе этнического (пассионарного) подъема. Поэтому в славянских погребениях можно видеть не повторение ранних культур, а их синтез.⁴²

Но процесс славянского этногенеза был нарушен вторжением с востока. Хиониты, населявшие берега низовий Яксарта (Сырдарьи), спасаясь от тюркютов, бежали в Европу, где стали известны под именем авар, или обров.⁴³ Это был древний этнос, наследие легендарного Турана, и юные восточные славяне стали жертвой старого хищника. В 602 г. авары напали на антов – восточных славян, бывших союзниками Византии.⁴⁴

Именно тогда имя антов исчезает из исторических источников.⁴⁵ С тех пор исчезло славянское единство, потому что обры отделили южных, балканских славян от северных, или прибалтийских, – венедов. Остатки антов, по-славянски полян,⁴⁶ объединились с этносом русов, которых немецкие хронисты X в. считали ответвлением ругов. Слияние полян и русов в единый этнос осуществилось лишь в X в., что проявлялось в образовании государства, называемого в наше время «Русь в узком смысле»,⁴⁷ потому что оно не включало в себя большинства славянских племен Восточной Европы, завоеванных и покоренных позднее, о чем пойдет речь ниже.

Таким образом, перед нами сочетание двух самостоятельных процессов: природного феномена – этногенеза, начавшегося в I в., – и социального – построения государства, нарушавшегося троекратно: готами, аварами и норманнами – и осуществленного фактически лишь в XI в., при Ярославе Мудром.

Это начало «государства русского», или, точнее, «Киевского каганата», как его именovali современники, например митрополит Иларион, приходится не на фазу подъема пассионарности, не на фазу перегрева и даже надлома, а на инерционную фазу, которой свойственно интенсивное развитие литературы и искусства, что и заслонило от позднейших историков эпохи героических свершений, преодоленных бедствий и неописанных побед.

Для нашего исследования славяне – тема периферийная, но именно поэтому было необходимо уточнить пространственно-временное осмысление русской истории как результата двух пассионарных толчков и многочисленных этнических контактов, из коих ни один не был похож на другой. А культурная традиция, обусловленная никейским исповеданием и доблестью богатырей, проходит красной нитью сквозь века и страны, не меняясь, ибо она плод не

³⁹ См.: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 7.

⁴⁰ См.: Винокур Н. С. Указ. соч. С. 133.

⁴¹ См.: Приходнюк О. М. К вопросу о присутствии антов в Карпато-Дунайских землях. // Славяне на Днестре и Дунае. С. 191.

⁴² См.: Баран В. Д. Указ. соч. С. 40.

⁴³ См.: Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 34–35.

⁴⁴ См.: Симокатта Феофилакт. История / Перевод С. П. Кондратьева. М., 1957. Кн. VIII. 5. С. 180.

⁴⁵ См.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Вступ. ст., перевод, комментарий Е. Н. Скржинской (далее: Иордан). М., 1960. С. 220.

⁴⁶ См.: Брайчевський М. Ю. Походження Русі. Київ, 1968. С. 155.

⁴⁷ См.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951; Рыбаков Б. А. Древние русы // Советская археология. XVII. 1953; Артамонов М. И. История хазар. С. 289–290.

природы, прекрасной в своей вечной изменчивости, а сознания, т. е. культуры, цель которой – консервация.⁴⁸

Но так как история одной страны всегда проходит на фоне мировой истории, так же как эта последняя идет на фоне истории Земли, то мы должны вернуться к заданной теме нашего исследования – проблеме разнообразия этнических контактов, приняв за исходную точку Северный берег Каспия, ибо оттуда удобно видеть и Запад, и Восток.

⁴⁸ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

Часть первая

География этносферы первого тысячелетия н.э

Кто есть кто

I. В ареале угасшей пассионарности

1. Описание хазарской страны

Ландшафты, как и этносы, имеют свою историю. Дельта Волги до III в. не была похожа на ту, которая существует ныне. Тогда по сухой степи среди высоких бэровских бугров струились чистые воды Волги, впадавшие в Каспийское море много южнее, чем впоследствии. Волга тогда была еще мелководна, протекала не по современному руслу, а восточнее: через Ахтубу и Бузан и, возможно, впадала в Уральскую западину, соединенную с Каспием узким протоком.

От этого периода остались памятники сармато-аланской культуры, т. е. туранцев. Хазары тогда еще ютились в низовьях Терека.

Во II–III вв. атлантические циклоны сместили свой путь на север. Дожди перестали орошать степную зону, где на время воцарилась пустыня, а стали изливаться в Волго-Окском междуречье и на широтах водосбора Камы. Особенно значительным было зимнее увлажнение: сугробы мокрого снега и, как следствие, огромные весенние половодья.

Волга понесла все эти мутные воды, но русло ее в низовьях оказалось для таких потоков узким. Тогда образовалась дельта современного типа, простиравшаяся на юг почти до полуострова Бузачи (севернее Мангышлака). Опресненные мелководья стали кормить огромные косяки рыб. Берега протоков поросли густым лесом, а долины между буграми превратились в зеленые луга. Степные травы, оставшись лишь на вершинах бугров (вертикальная зональность), отступили на запад и восток (где ныне протоки Бахтемир и Кигач), а в ядре возникшего азонального ландшафта зацвел лотос, запели лягушки, стали гнездиться цапли и чайки. Страна изменила свое лицо.

Тогда изменился и населявший ее этнос. Степняки-сарматы покинули берега протоков, где комары не давали покоя скоту, а влажные травы были для него непривычны и даже вредны. Зато хазары распространились по тогдашней береговой линии, ныне находящейся на 6 м ниже уровня Каспия. Они обрели богатейшие рыбные угодья, места для охоты на водоплавающую птицу и выпасы для коней на склонах бэровских бугров. Хазары принесли с собой черенки винограда и развели его на новой родине, доставшейся им без кровопролития, по случайной милости природы. В очень суровые зимы виноград погибал, но пополнялся снова и снова дагестанскими сортами,⁴⁹ ибо связь между Терской и Волжской Хазарией не прерывалась.

Воинственные аланы и гунны, господствовавшие в степях Прикаспия, были не опасны для хазар. Жизнь в дельте сосредоточена около протоков, а они представляют собой лабиринт, в котором заблудится любой чужеземец. Течение в протоках быстрое, по берегам стоят густые заросли тростника, и выбраться на сушу можно не везде. Любая конница, попытавшаяся проникнуть в Хазарию, не смогла бы быстро форсировать протоки, окруженные зарослями. Тем самым конница лишалась своего главного преимущества – маневренности, тогда как местные жители, умевшие разбираться в лабиринте протоков, могли легко перехватить инициативу и наносить врагам неожиданные удары, будучи сами неуловимыми.

⁴⁹ См.: Потапенко А. И. Старожил земли русской. Ростов, 1976. С. 50.

Еще труднее было зимой. Лед на быстрых речках тонок и редко, в очень холодные зимы, может выдержать коня и латника. А провалиться зимой под лед, даже на мелком месте, значило обмерзнуть на ветру. Если же отряд останавливается и зажигает костры, чтобы обсохнуть, то преследуемый противник за это время успевает скрыться и ударить по преследователю снова.

Хазария была естественной крепостью, но, увы, окруженной врагами. Сильные у себя дома, хазары не рисковали выходить в степь, которая очень бы им пригодилась. Чем разнообразнее ландшафты территории, на которой создается хозяйственная система, тем больше перспектив для развития экономики. Дельта Волги отнюдь не однообразна, но не пригодна для кочевого скотоводства, хотя последнее, как форма экстенсивного хозяйства, весьма выгодно людям, потому что оно нетрудоемко, и природе, ибо количество скота лимитируется количеством травы. Для природы кочевой быт безвреден.

Хазары в степях не жили и, следовательно, кочевниками не были. Но и они брали от природы только избыток, которым она могла смело поделиться: рыбу, виноград и плоды из садов. Короче говоря, этносы низовий Волги в то время находились в фазе гомеостаза – равновесия с природой и друг с другом. При этой системе жизни этносы редко активно общаются между собой, потому что воевать не из-за чего, а брать в жены чужих девушек невыгодно: привыкшие к иному быту, они будут плохими хозяйками в доме мужа.

Чем крупнее цель, тем легче в нее попасть. Поэтому заключим наш сюжет – трагедию хазарского этноса – в рамку истории сопредельных стран. Конечно, эта история будет изложена «суммарно», ибо для нашей темы она имеет только вспомогательное значение. Но зато можно будет проследить глобальные международные связи, пронизывавшие маленькую Хазарию насквозь, и уловить ритм природных явлений биосферы, вечно изменчивой праматери всего живого. Тогда и история культуры заиграет всеми красками.

2. Этнос «отраженного света»

Может показаться, что, утверждая невозможность существования активного этноса без пассионарного толчка, мы погрелись против собственного тезиса. Например, хазары стали известны византийским и персидским авторам в IV в., а армянским – в III в.,⁵⁰ но ни меридиональный толчок II в. (от Скандзы до Палестины), ни широтный толчок IV в. (от Аравии до Северного Китая) не должны были их задеть. Каким же образом объяснить особенности их этногенеза в течение тысячи лет и образование многочисленных реликтов: гребенских и нижнедонских казаков, астраханских татар и караимов Крыма? Короче говоря, хазары вели себя как «полноценный» этнос, прошедший все фазы развития, но за счет чего?

Русский летописец правильно сопоставляет хазар со скифами,⁵¹ под которыми его источник, Георгий Амартол, подразумевал древнее, досарматское население южной части Восточной Европы.⁵² В то время когда степные водораздельные пространства захватывались последовательно сарматами (III в. до н. э.), гуннами (IV в. н. э.), болгарами (V в.), аварами (VI в.), мадьярами и печенегами, хазары спокойно жили в густых прибрежных зарослях, недоступных для кочевников, с коими они всегда были врагами.

⁵⁰ Моисей Хоренский в «Истории Армении» упоминает, что между 193 и 213 гг. «толпы хазар и баслов (барсиллов), соединившись, прошли через ворота Джора (Дербентский проход)... перешли Куру и рассыпались на всю сторону ее» (цит. по: Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 115). М. И. Артамонов полагает, что упоминание хазар в столь раннее время – анахронизм (см. там же. С. 131), однако оснований для сомнений не приводит. Принимая сведения источника, констатируем, что во II в. хазары обитали в низовьях Терека и Сулака. На Волгу они распространились позднее не через сухие степи, а по берегу Каспийского моря, стоявшего тогда на отметке минус 36 м, т. е. на 8 м ниже, нежели в XX в. (см.: Гумилев Л. Н. Хазария и Каспий // Вестн. ЛГУ. 1974. № 6. С. 84–95; Он же. Хазария и Терек // Там же. 1974. № 24. С. 78–88).

⁵¹ ПВЛ. Ч. II. С. 14.

⁵² Там же. Ч. II. С. 223.

Благодаря столь благоприятным природным условиям хазары – потомки древнего европеоидного населения Западной Евразии – жили как этнос-персистент до конца VI в., когда ситуация изменилась крайне резко и неожиданно.

Самая важная роль в хазарском этногенезе выпала на долю новорожденного этноса древних тюрков – тюркютов, как принято их называть, чтобы избежать терминологической путаницы – смешения этого этноса с прочими тюркоязычными племенами.⁵³ Возникли тюркюты так: в 439 г. небольшой отряд князя Ашина бежал из Северо-Западного Китая от победоносных и безжалостных табгачей. Состав этого отряда был пестрым, но преобладавшим этносом были сяньбийцы, т. е. древние монголы. Поселившись на склонах Алтая и Хангая и смешавшись с аборигенами, тюркюты сделали своей узкой специальностью плавку железа и выделывание оружия. В 552 г. их первый хан – Тумын – одержал победу над жужанями, господствовавшими в Степи в IV–V вв. Так был создан Великий тюркютский каганат.

Младший брат Тумына, хан Истеми, был поставлен во главе войска, имевшего задачей подчинение западных степей. Истеми дошел до Дона и берегов Черного моря. Некоторые племена бежали от него, другие подчинились силе оружия, а третьи сочли за благо помочь завоевателю, дабы разделить с ним плоды победы. В числе последних оказались хазары и болгарское племя утургуров, жившее между Кубанью и Доном. Когда же в начале VII в. Великий каганат распался, то хазары и утургуры оказались в составе Западного каганата. Те и другие искренне помогали своим новым правителям в войнах против Византии и Ирана. Однако в Западно-Тюркютском каганате два племенных союза образовали две партии, боровшиеся за власть над бессильным ханом. Утургуры примкнули к одной, а хазары, естественно, к другой партии, а после ее поражения приняли убежавшего царевича себе в ханы (650 г.).⁵⁴

Через 8 лет Западно-Тюркютский каганат был захвачен войсками империи Тан, что пошло на пользу хазарам, принявшим сторону ранее побежденного царевича, и во вред болгарам-утургурам, лишившимся поддержки верховного хана (658 г.). Вследствие этого хазары около 670 г. разгромили болгар, и те разбежались – кто на Каму, кто на Дунай, кто в Венгрию, а кто даже в Италию.

Одновременно хазарам пришлось отражать вторжение арабов, победоносных от Индии до Аквитании. Но на Кавказе, неожиданно для завоевателей Ирана и Испании, война шла с переменным успехом, причем хазарские вторжения в Закавказье чередовались с арабскими походами до Дербента (662–744 гг.), севернее которого арабам так и не удалось закрепиться. Откуда взялась у маленького реликтового этноса такая грандиозная пассионарность, позволившая хазарам при неравенстве сил свести вничью войну с самым сильным и агрессивным государством VIII в.? Численный перевес был на стороне арабов, потому что хазарских ханов тюркской династии не поддерживали ни аланы, ни мадьяры, ни буртасы, ни мордва, ни славяне, а уж меньше всего болгары. Особую позицию занимали горцы Дагестана – царства Серир, Туман, Зирих-Геран, Кайтаг, Табасаран, Лакз и Филан, уже в 738 г. подчинившиеся наместнику Азербайджана и Армении Мервану,⁵⁵ опиравшемуся на неприступный Дербент.⁵⁶ Но маленькая Хазария героически отстояла свою независимость. Почему?

Вспомним, что целых 100 лет (558–650) тюркютские ханы использовали территорию Хазарии как базу для своих военных операций. В Хазарии тюркютские богатыри отдыхали

⁵³ Термин «тюрк» имеет три значения. Для VI–VIII вв. – это маленький этнос (тюркют), возглавивший огромное объединение в Великой степи (эль) и погибший в середине VIII в. Эти тюрки были монголоиды. От них произошла хазарская династия, но сами хазары были европеоиды дагестанского типа. Для IX–XII вв. тюрк – общее название воинственных северных народов, в том числе мадьяров, русов и славян. Это культурно-историческое значение термина не имеет касательства к происхождению. Для современных востоковедов «тюрк» – группа языков, на которых говорят этносы разного происхождения.

⁵⁴ Подробно см.: Артамонов М. И. История хазар. С. 171; Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 238.

⁵⁵ См.: История Дагестана. Т. I. М., 1967. С. 153.

⁵⁶ Дербент был окончательно оккупирован арабами в 685–686 гг. и отделился от халифата в X в. вместе с Ширваном.

после перехода через сухие степи, а по возвращении из Крыма или Закавказья прогуливали награбленную добычу. И тут наверняка не обходилось без женщин, которые, как известно, не бывают равнодушны к победителям. Дети, появившиеся после военных походов, искренне считали себя хазарами. Отцов своих они не знали, воспитаны были в среде хазар и в ландшафте Волжской дельты. В наследство от тюркютов они получили только некоторые антропологические и физиологические черты, в том числе пассионарность. А поскольку такой симбиоз длился более ста лет, то естественно, что привнесенной чужаками пассионарности стало достаточно, чтобы превратить реликт в активно действующий этнос.

Но еще существеннее для хазарского этногенеза был следующий период, когда Хазарией управляли тюркские ханы династии Ашина (650–810), наследники правителей Великого тюркского каганата (552–745). Царевич-беглец и его соратники, принятые хазарами гостеприимно, не слились с массой народа и не противопоставили себя ей. Они продолжали жить кочевым бытом, только зиму проводя в домах в Итиле; они возглавили борьбу с арабами и, будучи мастерами степной маневренной войны, научили хазар отбивать натиск регулярных войск; оставаясь язычниками, почитавшими Синее Небо и Черную Землю, они были веротерпимы до полной неразборчивости. Это-то их и погубило. Но из-за чего и каким образом?

3. Развивалась ли в хазарии культура?

Странно, но долгое время считалось, что народы Евразийской⁵⁷ степи, в особенности кочевые, не имели собственного культурного развития, собственной истории и уж обязательно – оригинального искусства. Раскопки на Алтае, в Монголии и Сибири показали, что искусство евразийских народов существовало, история их ныне написана, прочтенные тексты показали наличие переводной философской литературы, а фольклор зафиксировал оригинальные сюжеты. Все у них было, но мало что сохранилось.

Однако перед нами сразу возникает непредвиденная трудность: социальное развитие в странах земледельческих, у народов, унаследовавших развитую культуру античности, и у племен, живущих в девственных ландшафтах, без письменности, с примитивной техникой, идет асинхронно. В Европе в VIII–X вв. бурно развивается феодализм, образуются классы, разделяются ремесло и земледелие за счет усовершенствований техники, а в степях Евразии овцы поедают траву, псы охраняют овец, а пастухи ездят в гости друг к другу; единственное орудие производства – кнут, но совершенствовать его незачем.

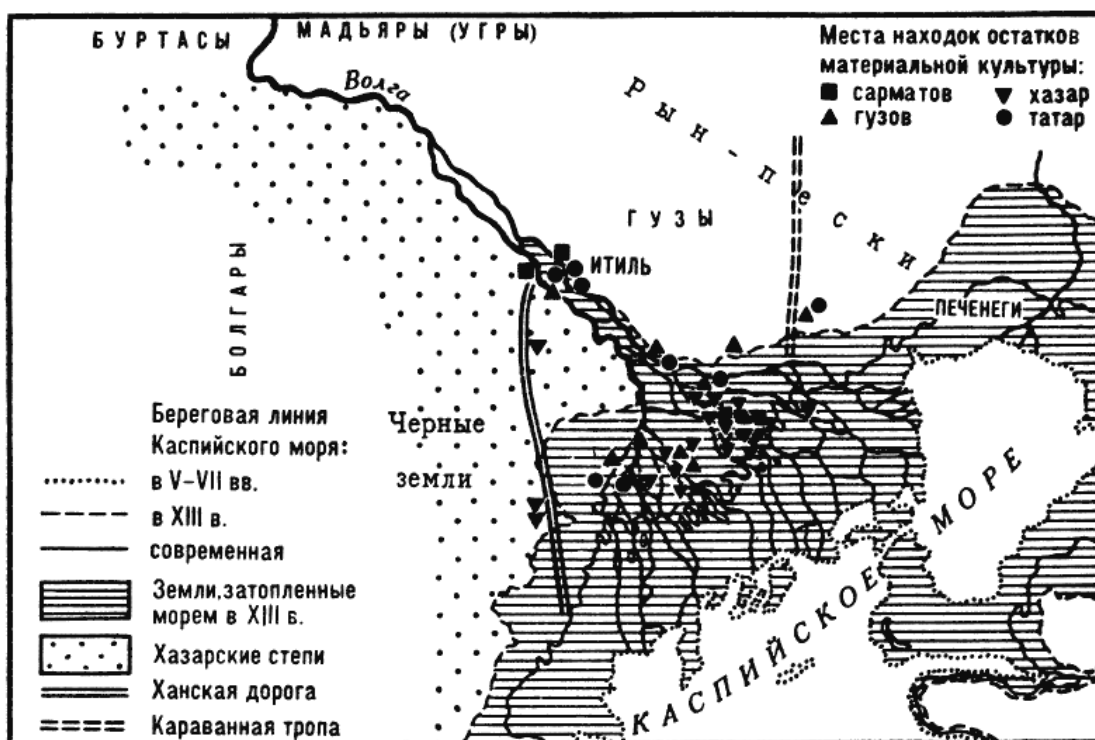
Однако и в Евразии возникают города, правда, только на берегах рек, потому что в голой степи и ныне люди не живут оседло. Археологические культуры здесь сменяют одна другую, этносы возникают и исчезают. Короче говоря, жизнь идет, хотя формация остается той же – первобытно-общинной в стадии военной демократии. Как это понять?

Как попытка объяснения направления процесса в последние годы получил распространение и был принят без критики и проверки постулат: развитие культур и народов степной и лесной зон Евразии шло «от кочевий к городам», и прослеживается этот путь археологией, причем археологическая культура отождествляется с этносом.⁵⁸ Согласно этому принципу прогрессивной эволюции, археологическая салтово-маяцкая культура свойственна единому болгаро-хазарскому этносу, переходившему от кочевого скотоводства к оседлому земледелию вследствие обеднения одних людей и закабаления их другими, предоставлявшими им ссуды

⁵⁷ Евразией в данной работе называется внутренняя часть континента, в основном степь между Карпатами и Маньчжурией, представляющая этнокультурную целостность. В таком же этнокультурном аспекте следует рассматривать названия «Восточная Европа» и «Западная Евразия».

⁵⁸ См.: Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967.

для обзаведения хозяйством, после чего бедняки попадали в экономическую зависимость от богатеев.⁵⁹

Волжская Хазария в VI–XIII вв.

В этой умозрительной концепции четко описано первоначальное накопление капитала при становлении аграрного капитализма. Называть такой процесс «элементами феодальных отношений» нет никаких оснований. Но если так, то, по мнению авторов, капитализм зародился не вследствие развития производительных сил и технического прогресса, а из-за корыстолюбия одних и беспомощности других, бедневших неизвестно почему и каким-то странным образом моментально осваивавших сложную культуру земледелия, а для этих районов – виноградарства, требующую обычно опыта многих поколений.

Бесспорно, что у древних хазар, болгар, гузов, печенегов существовал родоплеменной строй. Как известно, при первобытно-общинной формации земля принадлежит роду и, следовательно, всем его членам. Родович, потеряв скот вследствие падежа, гололедицы или угона врагами, имел право на помощь своего рода, притом безвозмездную. Поэтому индивидуальной бедности у этих народов существовать не могло. Богатство у отдельных представителей имелось не в форме капитала, а как сокровище (серьги, ожерелья, ценное оружие, шелковые или парчовые халаты).⁶⁰ Займов под проценты при отсутствии денежной системы не бывает, а при натуральном хозяйстве нужды в них не возникает. Стало быть, при существовавшем в I тысячелетии уровне производительных сил и изобилии природных ресурсов не было предпосылок для развития капитализма даже в зачатке. Накопление богатства ради богатства для каждого родовича показалось бы бессмысленным и грязным занятием, а если бы кто-либо стал обижать соплеменников, то те бы его либо выгнали, либо убили как выродка. А ведь перед этим сам М. И. Артамонов писал, что Хазарию превратила в классовое государство еврейская

⁵⁹ См.: Артамонов М. И., Плетнев С. А. Еще раз о степной культуре Евразии // Народы Азии и Африки. 1970. № 3. С. 92.

⁶⁰ См.: Артамонов М. И. История хазар. С. 99.

купеческая верхушка, опиравшаяся на наемные войска и лишившая кагана свободы и власти.⁶¹ К оседанию кочевников события IX в. никакого отношения не имели.

Да и не было никакого оседания. Земледелие и кочевое скотоводство сосуществовали с древних веков, потому что являлись способами адаптации этносов к ландшафтам.⁶² Разумеется, этносы, развивающие технику, меняются, но при этом они воздействуют на географическую среду, создавая антропогенные ландшафты – большие города. Но когда это имеет место, археолог легко это обнаружит. А в Хазарии строили только крепости и базары для обеспечения транзитной торговли, на природу степей и речных долин не воздействовавшие.

И, наконец, отождествление хазар и болгар основано на неоправданном приравнивании этноса к археологической, т. е. материальной, культуре. А так как салтово-маяцкая культура представлена главным образом керамикой, то, значит, древние люди признаны за дополнение к черепкам разбитых горшков, т. е. те и другие – «материал того же порядка».⁶³ Логика авторов проста до предела: черепки удобнее для изучения. Они лежат на земле и видны, а древние люди сгнили. Поэтому хватит с нас одних черепков, прочее же можно домыслить.

Но представим себе, что археолог ХХХ в. ведет раскопки на территории Ленинграда. Занимаясь посудой, он выделит «культуру глиняных горшков», «культуру фарфора», «культуру алюминиевых мисок», «культуру пластмассовых блюдец». При раскопках жилищ он разделит по разным «культурам» дворцы в стиле ампира, кирпичные доходные дома и блочные строения. Все эти дома он обязан, согласно постулату, интерпретировать как памятники особым этносам. А ведь для примера взята 250-летняя история одного города!

Так правильно ли класть в основу этнической диагностики формы керамических изделий, а не способы жизни народов, т. е. их взаимодействие с кормящей их природой и живыми традициями быта, нравов, воззрений, изменяющихся из века в век по строгой закономерности этногенетических процессов? Нет, у каждой науки есть своя сфера и свои пределы. Археология ведаёт «трупами вещей», т. е. памятниками. Археолог бессилён там, где ткани и меха истлели, а золотые украшения перелиты врагами в слитки. Надо искать иной путь.

4. Фазы этногенеза в западной Евразии

В специальной работе.⁶⁴ нами было установлено, что этническая история человечества состоит из ряда дискретных процессов – этногенезов, накладывающихся на историческую канву аналогичных процессов, протекавших ранее на той территории, которая привлекла внимание исследователя. Так, в Восточной Европе и примыкающей к ней западной окраине Великой степи за период, освещённый письменными источниками, сменилось множество народов. С VIII до III в. до н. э. здесь господствовали скифы, уничтоженные сарматами. С III в. до н. э. по IV в. н. э., точнее – до 370 г., хозяевами степей восточнее Дона были сарматы, а правобережьем Днепра овладели готы. В 371 г. гунны перешли Дон и в 376 г. вытеснили часть готов за Дунай, а около 420 г. заняли Паннонию. В 454 г. гунны были разбиты гепидами, в 463 г. – болгарами, в 469 г. – византийцами, после чего господство над причерноморскими степями перешло к болгарам. Судьба гуннов – яркий пример того, что любой этнический процесс может быть нарушен политическими коллизиями, которые невозможно предугадать. Гунны могли бы выиграть битву с гепидами при Недао в 453 г. или разгромить сарагуров (болгар) в 463 г. Тогда

⁶¹ См. там же. С. 457–458. Может показаться странным, что М. И. Артамонов в статье, написанной совместно с С. А. Плетневой, отвергает и игнорирует выводы собственной книги, например войну хазар с болгарами, показывавшую, что это разные этносы, и многое другое. Объяснения этой странности у меня нет.

⁶² См.: Гумилев Л. Н., Эрдеи И. Единство и разнообразие кочевой культуры в средние века // Народы Азии и Африки. 1969. № 3. С. 78–87.

⁶³ Артамонов М. И., Плетнева С. А. Указ. соч. С. 89.

⁶⁴ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

бы в Восточной Европе уже в V в. создалось сильное гуннское государство. Но так как этого не случилось, то многочисленные местные этносы вернули себе самостоятельность. В числе их были потомки антов – дулебы, жившие на Волыни. Арабский географ Масуди, писавший около 930 г., отмечает: «Из этих племен (славянских) одно имело прежде в древности власть, его царя называли Маджак, а самое племя называлось валинана... (т. е. „волыняне“)... Оно почиталось между их племенами и имело превосходство между ними»⁶⁵

Болгары не создали единого государства. Восточные, в бассейне Кубани, – утургурь – и западные, между Доном и низовьями Дуная, – кутургурь – враждовали между собой и стали добычей новых пришельцев с востока: кутургурь подчинили авары (точнее, псевдоавары, или вархониты), а утургурь – тюркюты в 558–574 гг. Границей между Аварским и Западно-Тюркютским каганатами стал Дон. С 668 г. авары, укрепившиеся в Паннонии, были естественными врагами славян. Подробности этой длительной войны в источниках не сохранились, ибо события протекали далеко от Византии и Галлии, где только и велись записи, но даже по отрывочным записям видно, что в 581 г. авары захватили Сирмий, греческую крепость на Дунае (около Белграда), а затем разграбили Балканский полуостров (583–587). С 588 по 631 г. авары одерживали победы и «примучивали дулебов» (восточнославянское племя), около 600 г. они совместно со славянами-хорутанами заселили Внутренний Норик. В 619–620 гг. авары, находясь в союзе с персами, дошли до стен Константинополя, но были отражены. Новая попытка их добиться победы над греками в 627 г. кончилась катастрофическим поражением, которое повлекло восстание болгарского племени – кутургурь, обитавших в степях от Карпат до Дона, которых немногочисленные авары использовали в борьбе с противниками – антами, союзниками ромеев.⁶⁶

В эти годы на северной границе Аварского каганата шла столь же ожесточенная война, следом которой являются городища укреплений, разрушенных и покинутых местным населением (например, «Пастырское городище»)⁶⁷. В 631 г. авары жестоко подавили восстание кутургурь, остатки коих объединились с утургурами в 633 г. Когда же утургурь в 670 г. потерпели поражение от хазар, подчинивших себе Северный Кавказ, то болгары разбежались, а бывшие земли кутургурь были заселены тиверцами и уличами.

Все эти события подорвали мощь авар, которые в VI в. господствовали в степях восточнее Карпат. Упадок Аварского каганата наступил в VIII в. Но почему? Ведь авары, или обры, были не только воинственны, но и интеллектуальны. Их дипломатия и способности к управлению были на высоте тогдашних требований. У них были естественные союзники – кангары, или печенеги, в степях Приаралья. И при этом они бежали от немногочисленных тюркютов, отступили от стен Константинополя и терпели поражения от славян державы Само. Это не случайно.⁶⁸

Заглянем в историю. До VI в. до н. э. арийские племена Средней Азии и Ирана представляли целостность грозную и агрессивную. На рубеже VI и V вв. до н. э. прозвучала огненная проповедь Заратуштры, направленная против древних богов – дэвов. Индусы и эллины, скандинавы и кельты не слышали ее, но в степях Средней Азии она звучала как гром. Те, кто принял новое учение, стали иранцами; те, кто сохранил верность древним богам, остались туранцами.

Древние этносы Средней Азии – согдийцы, парфяне, истинные абары («аба» в Джунгарии), эфталиты, хиониты и кангары – находились на излете своего жизненного пути и, даже укрывшись за Карпаты, были обречены. То, что они продержались до прихода венгров, – акт

⁶⁵ Гаркави А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб., 1874. С. 135.

⁶⁶ См.: Чичеров И. С. Византийские исторические сочинения. «Хронография» Феофана. М., 1980. С. 58. Примеч. 197. С. 96.

⁶⁷ См.: Брайчевский М. Ю. Похождения Руси. Київ, 1968. С. 172.

⁶⁸ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. IV. М., 1987. С. 208–215.

великого мужества и твердости. Для славян эти наследники древнего Турана были врагами, достойными восхищения.

Еще страшнее была судьба тюркютов. В середине VIII в. они были физически истреблены – одни у себя на родине, другие в Китае, где они пытались найти спасение. Но они оставили многим этносам роскошное наследство: славное имя, традиции военной доблести и пассионарный генофонд, рассеянный по многим степным популяциям.

Внесение признака пассионарности со стороны по последствиям не отличается от возникновения ее путем мутации. Разница проявляется лишь в том, что при генетическом дрейфе признак распространяется более быстро, а следовательно, процесс идет более интенсивно. Поэтому инкубационный период хазарского этногенеза уложился в три поколения – около 70 лет, после чего с 627 г. становится уместным название «тюрко-хазары», теряющее смысл после 650 г., когда хазарами называют именно метисов тюрко-хазарского происхождения. Почему-то Истахри и другие восточные географы делили хазар на два разряда: смуглых,⁶⁹ черноволосых и «белых, красивых, совершенных по внешнему виду».⁷⁰ Также они относили хазар то к тюркам, то к нетюркам, возводя их то к грузинам, то к армянам.⁷¹ Хазарский язык, по замечанию Истахри, не походит ни на тюркский, ни на персидский, ни на какой другой известный язык, а схож с языком болгар.⁷² Это последнее вызвало множество недоумений, ибо языком болгар считается тюркский. Однако так ли было в V–VI вв., когда тюрки впервые появились в Поволжье? Навряд ли!

Тюркский язык распространился как международный и общеупотребительный лишь в XI в. благодаря половцам, причем вытеснил из степи древнерусский, господствовавший в X–XI вв.⁷³ До этого этносы говорили дома на своих языках, которые до нас не дошли, а кроме того, знали древнетюркский язык воинского начальства.

Таким образом, в VII в. в Нижнем Поволжье создались оптимальные условия для этногенеза: разнохарактерные ландшафты в тесном сочетании, соответствующие им хозяйственные уклады, сосуществование этнических субстратов, относящихся к единому (евразийскому) суперэтносу, и импорт пассионарности, позволивший оформить этническое разнообразие в социальную систему. Эта последняя была достаточно эластичной, чтобы вошедшие в нее этносы стали субэтносами хазарского этноса, унаследовавшего название от предков.

Вот почему М. И. Артамонов сомневался в достоверности армянских хроник, упоминавших хазар в III в. н. э.⁷⁴ Этноним был тот же, но этнос другой, а это бывает часто.

Фаза этнического подъема заняла около 150 лет – с середины VII до конца VIII в. За это время хазары шли от успеха к успеху и весьма удачно находили контакты с соседями. Однако характер этих контактов был различен, что и повело к смещению нормальной кривой этногенеза, вследствие чего акматическая фаза не наступила. Поэтому обратим внимание и на соседей хазар, но сначала напомним, что в III–V вв. хазарский этнос находился в фазе гомеостаза. Производительные силы его были стабильны, а общество пребывало в первобытно-общинной формации с устоявшимися производственными отношениями. Но это не мешало хазарам жить и защищать свои дома от соседей, далеко не всегда дружелюбных.

⁶⁹ У Захария названы «красные» (см.: Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: В 2 т. Т. I. М., 1962. С. 138).

⁷⁰ Там же. С. 137.

⁷¹ Там же. С. 135.

⁷² Там же. С. 135.

⁷³ См.: Куник А., Розен В. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Т. I. СПб., 1878. С. 54.

⁷⁴ См.: Артамонов М. И. История хазар. С. 116.

5. Между горами и морем

До сих пор в поле нашего зрения была Волжская Хазария – «Прикаспийские Нидерланды». Но долгое время хазары господствовали в равнинном Дагестане, в Терско-Сулакском междуречье. Археологическими работами 1967–1980 гг. было установлено, что хазары жили на северном берегу Терека и на берегу Каспийского моря между устьями Терека и Сулака. Заслуга этой находки принадлежит Г. С. Федорову, ознакомившему с добытыми материалами автора этих строк в 1966 г.⁷⁵ Сходство этой керамики с керамикой дельты Волги не вызывает сомнений.

И, наоборот, предгорные и степные районы Дагестана были заселены не хазарами. Хотя хазарское влияние на них прослеживается, но, по мнению А. В. Гадло, оно привнесено в готовой форме извне.⁷⁶ С этим необходимо согласиться. Городище Хазар-Кала – это крепость государства Серир, иногда захватываемая хазарами. Она прикрывала широкую дорогу во внутренний горный Дагестан, тогда как соседние ущелья были недоступны из-за утесов, между которыми протекают ручьи, и потому защищать их не было надобности. Короче говоря, здесь была пограничная зона, а не спокойное обиталище хазар, как на морском берегу. Море в V–VIII вв. стояло низко: уровень его был минус 34 м, т. е. на 6 м ниже, чем в XX в. Поэтому не море тревожило прибрежных жителей.⁷⁷

Да и в последующие века, когда затоплялся северный, плоский берег Каспия, степи Дагестана были вне опасности, так как максимальная отметка новокаспийской трансгрессии – минус 18 м, а даже город Бабаюрт лежит на нулевой отметке, т. е. на 12 м выше максимального уровня Каспия XIII–XIV вв. Залиты были только низовья Волги.⁷⁸

Грозный X век был временем грандиозных перемен не только на Руси (крещение), в халифате (захват Багдада дейлемитами), в Китае (восстановление единства – династия Сун), но и в степях Северного Прикаспия и Приаралья. Жестокая вековая засуха, поразившая в X в. степную зону Евразии,⁷⁹ ослабила печенегов и гузов, кочевья которых захватила пустыня. Дожди и снега, выпадавшие над просторами Зауралья и на берегах Аральского моря, в IX в. незаметно переместились на север – на берега Оки и Камы. Там множились болота, ручейки превращались в бурные потоки, а Волга каждой весной уносила влагу в Каспийское море, набухавшее до X в. В X в. этот подъем уровня Каспия остановился, так как циклоны переместились еще севернее – в бассейн Белого моря, где стали легко плавать ладьи викингов.⁸⁰ Но для степняков это не было утешением, ибо их родина потеряла озера, вокруг которых еще недавно паслись овцы, и родники, водой которых можно было напоить коней, а количество снега, питавшего

⁷⁵ См.: Федоров Г. С. Раскопки в Северном Дагестане // Археологические открытия 1967 г. М., 1968. С. 92.

⁷⁶ См.: Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 202–203.

⁷⁷ См.: Гумилев Л. Н. Хазария и Каспий (Ландшафт и этнос. I) // Вестн. ЛГУ. 1964. № 6. С. 82–95.

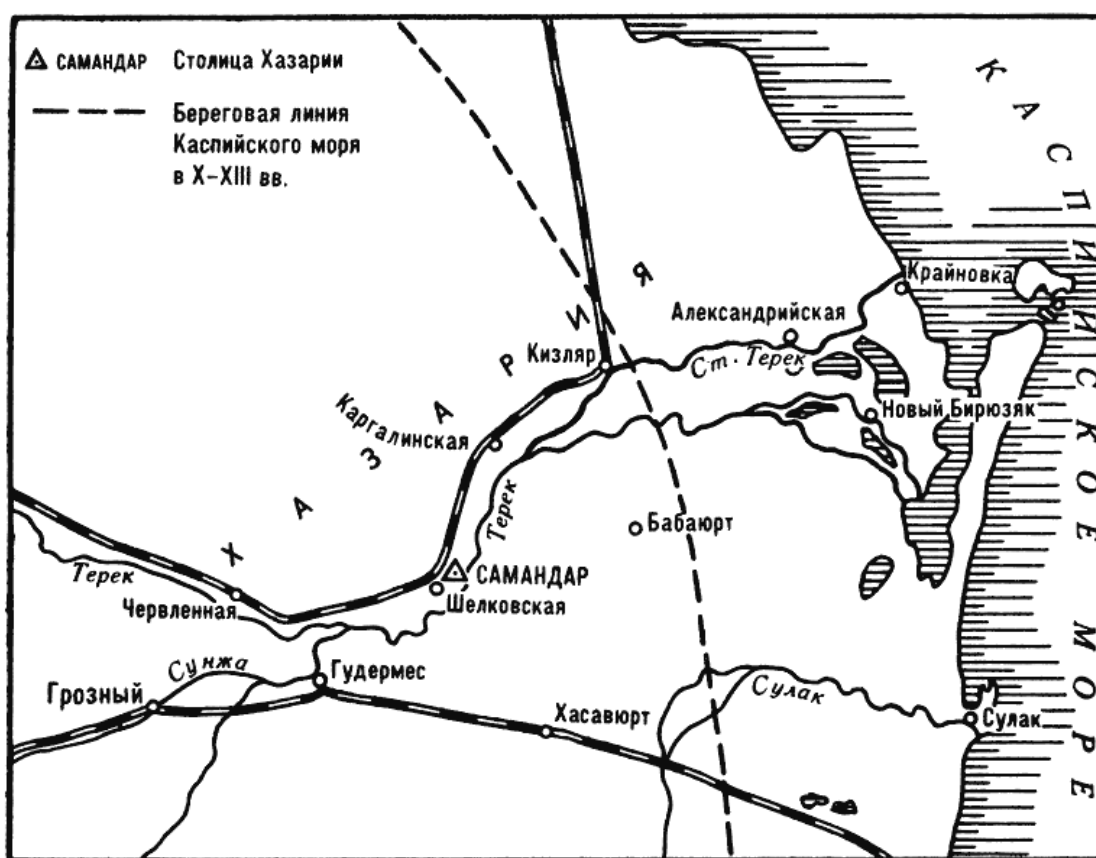
⁷⁸ В этой связи вызывает удивление попытка М. Г. Магомедова оспаривать факт колебаний уровня Каспийского моря на том основании, что каспийские волны не заделали предгорных степей, лежавших на 20 м выше максимального уровня (см.: Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983. С. 18 и 181). Единственное низкостоящее городище – Тенг-Кала в низовьях р. Сулак – «состоит из чередующихся слоев культурных отложений и речного ила толщиной 20–30 см» (с. 39). Поскольку Сулак течет в глубоком каньоне, то для того чтобы возникли половодья, необходимо, чтобы река стояла на подпоре, т. е. чтобы уровень Каспия был высоким. А коль скоро так, то М. Г. Магомедов сам опровергает свой тезис. Впрочем, это не единственный случай: цитируя книгу Л. Н. Гумилева «Древние тюрки» (с. 41 и 153–158 – о хазарах там ничего нет – см.: Магомедов М. Г. Указ. соч.), он показывает полное непонимание цитируемого текста. И что самое удивительное, такой серьезный археолог, как С. А. Плетнева, будучи редактором цитируемой книги, не указала М. Г. Магомедову на его ошибки. Вот пример того, как опасно доверять проверку своей работы людям, игнорирующим географию. Им-то ведь безразлично, о чем идет речь: о предгорьях Дагестана или о дельте Волги.

⁷⁹ См.: Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. С. 55–70; Он же. История колебаний уровня Каспия за 200 лет // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 32–47.

⁸⁰ См.: Гумилев Л. Н. Викинги не солгали // Природа. 1977. № 5. С. 95–99.

жаждущую землю, не прибавилось. Он теперь выпадал в тундре и лежал там, перетоптанный пургой, в ожидании того часа, когда весеннее солнце превратит его в воду, а та растопит вечную мерзлоту и понизит уровень грунтовых вод. Тогда вода озер уйдет в жидкую грязь, и рыба – основной продукт питания северян – погибнет. Немилость природы пала на многие народы в этот жестокий X век!

Но уровень Каспия в X в. стоял примерно на той же отметке, что и в XX в. Только в XIII–XIV вв. он поднялся до отметки минус 18 м, но этот подъем уровня не имел к Хазарии никакого отношения, так как не стало ни Хазарского каганата, ни хазарского этноса. Первый пал еще в X в. под ударом русского князя Святослава, второй распался на христианскую (терские казаки) и мусульманскую (астраханские татары) части. Потомки хазар остались, но этническая система исчезла. И этому в Дагестане способствовало не наступление моря, а сложная этнополитическая обстановка: арабская агрессия, миграция евреев из Ирана, культурные влияния армянской Агвании и т. п. Поэтому для истории Хазарии начавшаяся трансгрессия Каспия значения не имела.

Терская Хазария в VIII–XII вв.

И тут необходимо внести ясность в проблему, возникающую при принятом аспекте. Известно, что все обитаемые регионы заселены настолько, насколько это возможно при данном уровне хозяйства. Равнинный Дагестан – это благодатная степь, ограниченная с севера долиной Терека, с востока – Каспийским морем, а с запада – цепью невысоких хребтов и их отрогов, за которыми поднимается горный Дагестан. Трудно найти в Прикаспии уголок, столь благодатный для кочевого скотоводства, земледелия и рыболовства, особенно в эпоху повышенного увлажнения степной зоны. Поэтому эта равнина была всегда густо заселена.⁸¹

⁸¹ См.: Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе (Историко-этнографические очерки). М., 1978. С. 142–143.

В первые века н. э. Северный Кавказ населяли сармато-аланы, но они постепенно уступали ведущее положение хазарам, тюркам и савирам. Последних причисляют к гуннскому кругу этносов, но в этих благодатных местах они ассимилировались среди аборигенов – барсилов, сохранив только политическую власть. Правитель гунно-савиров носил титул «эльтебер» и был вассалом хазарского кагана.⁸² Под его властью жили потомки аланов, оставившие после себя много археологических памятников.⁸³ Как будто для внедрения еще одного этноса места не было.

Конечно, эта богатая страна могла принять небольшое число политических иммигрантов, каковыми оказались иранские евреи в VI в., но для того, чтобы их потомки смогли размножиться и обрести собственный ареал, потребовалась железная поступь истории. Арабские вторжения VIII в. превратили страну между Дербентом и Семендером (Самандар) в поле векового сражения.

Селения были сожжены, города разграблены, крепости разрушены, люди, населявшие их, перебиты или уведены в плен.⁸⁴ Страна опустела, и тогда оказались свободными земли, на которых смог поселиться пришлый этнос.

Так мы выявили механизм взаимодействия социально-политических явлений (войны) с демографическими (миграции) и экологическими (внедрение в опустевшую экологическую нишу). Однако отметим, что военный натиск арабов был следствием пассионарного толчка, т. е. явления природного (мутация), хотя доминанта его – алчность и стяжательство – была связана с социально-культурной традицией, накопившейся в предшествовавших арабо-мусульманской культурах Древнего Востока. Другие пассионарии того же толчка вели себя не менее свирепо, но иначе: раджпуты не устанавливали, а крушили деспотическую власть, тюркюты привозили добычу из дальних походов в тороках своих седел, табгачи после побед получали не рабов, а чины и пожалования. И хотя источник энергии был один, воплощалась в действие она различно, в зависимости от бытующих традиций.

И еще: не все победители были пассионарны. Хазары и болгары находились в фазе гомеостаза, но ведь это значит, что они имели больший заряд энергии, нежели те, кто был в обскурации (например, персы) или переживал временный спад (греки). Следовательно, в истории мы видим не абсолютные величины пассионарного напряжения, а относительные значения его перепадов при этнических контактах.

Заметим это и перейдем к дальнейшему рассмотрению расстановки этнических целостностей в конце VIII в.

6. Запад

Ось пассионарного толчка, возбудившего ряд грандиозных событий, проходила от Южной Швеции – Готии – через Центральную Европу около Карпат, Дакию, Малую Азию, Киликию, Палестину и по Красному морю до Абиссинии. Этноты, находившиеся непосредственно на этой оси, среагировали на мутационный сдвиг столь бурно, что, не успев накопить достаточно сил, погибли в столкновении с организованной системой Римской империи. Эта судьба постигла даков и палестинских евреев.⁸⁵ А те, кто остался дома и только расширил, а не сменил свой ареал? Это были славяне. Возникшие в ареале пассионарного взрыва в I в. предки славян – венеды к IV в. разделились на склавинов и антов. К VII в. те и другие распространились до берегов Балтийского моря, вытеснив оттуда вандалов, до Адриатического моря, где

⁸² См. там же. С. 149.

⁸³ См. там же. С. 154–155.

⁸⁴ См. там же. С. 173–174.

⁸⁵ См.: Вебер Г. Всеобщая история. Т. IV. С. 814.

смешались с потомками воинственных иллирийцев, до Балкан и даже до Пелопоннеса, ослабив фракийцев, македонян и часть эллинов. На востоке славяне дошли до Днепра, а одна из групп пробралась на север до оз. Ильмень (словене новгородские). Нет оснований думать, что это распространение было результатом демографического взрыва. Нет, победители брали жен из числа пленниц, дети которых усваивали язык отцов. Потому-то и стали славянские племена мало похожи друг на друга, хотя «язык словенск» их потомки без труда понимали вплоть до XI в. С хазарами славяне в то время не сталкивались, так как между ними находились два сильнейших этноса: болгары и савиры. (С последними граничили поляне, которых после стали называть «русь».⁸⁶) Летописец поясняет, что Русь – новое историческое явление, сменившее распавшийся союз полян.⁸⁷ К этому добавим от себя, что «поляне» – не этническое самоназвание, потому что славяноязычные этносы, у которых господствовали анты, назывались дулебы или волыняне. Поляне встречаются не только на берегу Днепра, но и в Моравии, в славянской Болгарии и в верховьях Вислы. Это показывает, что современники в слово «поляне» вкладывали особый смысл: «исполин» – гигант.⁸⁸ Зато «рос» – этноним, зафиксированный для IV в. автором VI в. Иорданом, готским историком, осуждавшим «вероломный народ россомонов»,⁸⁹ за то, что те помогали гуннам победить готов. Союзниками россомонов и гуннов были анты, т. е. поляне⁹⁰ которые еще отличались от россомонов,⁹¹ но к X в. слились в единый этнос – Русь – в узком смысле, отличавшийся от других славянских племен Восточной Европы: кривичей, вятичей, радимичей, древлян и словен новгородских.

Перейдем к обобщению. Пассионарная мутация проявлялась тем сильнее, чем ближе к оси толчка располагались этносы на рубеже новой эры. И последствия ее были тем трагичнее, чем сильнее была культурная традиция этноса. То и другое понятно. Этносы, находившиеся на периферии ареала толчка, испытывали плавный пассионарный подъем и успевали изменить стереотип поведения без ломки структуры. А если же структура была аморфной, то перестройка ее не требовала быстрой и жесткой ломки. Вот почему франки, саксы и лангобарды, начавшие исторический период с гомеостаза, создали относительно устойчивые этносоциальные сообщества. Они получили заряд пассионарности не непосредственно, а путем половой передачи признака. Поэтому они выступили на арену истории в конце V в., когда готы, вандалы, гепиды и бургунды успели растратить свою пассионарность, отдав на гибель своих пассионариев. Однако и у запоздавших, и у пришедших «на готовенькое» этносов период активного становления укладывается в фазу надлома, т. е. постепенного затухания. Свирепых Меровингов VI в. сменили «ленивые короли» VII в. Англы, саксы и готы после побед, одержанных над кельтами Британии, создали семь королевств, враждовавших друг с другом, и не довели завоевание острова до конца. Лангобарды раскололи свое королевство на графства и стали легкой добычей франков. Немцы восстановили деление по племенному признаку за счет ослабления центральной власти. К началу VIII в. Европа превратилась в «дикий запад», бесильный и безопасный для восточных соседей – славян. И это было закономерно. В первые 169 лет пассионарность системы прошла свой инкубационный период, и выяснилось, что старые этносы обновлены. Со 155 до 400 г. шел подъем пассионарности до перегрева акматической фазы, после чего началась война каждого против всех и, хуже того, всех против всех.

⁸⁶ См.: «...Поляне, яже ныне зовомая Русь» (ПВЛ. Ч. I. С. 21).

⁸⁷ См.: Брайчевский М. Ю. Похождения Руси. С. 149–164.

⁸⁸ См.: Рыбаков Б. А. Древние русы // Советская археология. XVII. 1953. С. 47. Впоследствии этот термин был вытеснен тюркским эквивалентом «богатырь», но в самых древних былинах сохранился его женский род – поляница (см.: Балашов Д. М. Дунай. Историческая жизнь народной поэзии // Русский фольклор. XVI. Л., 1976. С. 100). Следовательно, поляне – не племя и не социальный слой, а психологический тип славянского пассионария эпохи неописанных побед.

⁸⁹ См.: Иордан. С. 91.

⁹⁰ См.: Брайчевский М. Ю. Похождения Руси. С. 155.

⁹¹ Не смешивать их с роксаланами (см.: Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани. С. 169. Примеч. 43).

Этой фазой воспользовались гунны Мундзука и Аттілы, захватившие гегемонию в Европе. Но они поплатились за это разгромом при Недао в 453 г. и беспощадным истреблением, после которого их не стало. С конца V в. наблюдается спад пассионарного напряжения этнических систем, что отнюдь не удивительно, ибо сейчас ясно, что в VI в. половина этнической жизни уже была прожита, а опыта и образования не накоплено. Инерционной фазы нет, ибо чужая природа, пусть даже это будет благословенная Италия, не помогает жить. Готы и вандалы живут за счет покоренных аборигенов и, подражая им, погружаются в фазу обскурации. Они гибнут уже через 5–8 веков после рождения, ибо надлом – тяжелая возрастная болезнь, и не всякому этносу суждено ее пережить.

Зато Византия, возникшая из-за того же толчка и, следовательно, ровесница «варварских» этносов, вступает в инерционную фазу, после чего удивляет мир своим блеском. Ее золотое сияние освещало мир еще три века, пока не начало тускнеть после того, как потенция была растрочена. И тем не менее Византия прожила предельный срок – около 1500 лет. За счет чего такая сила сопротивляемости ударам извне и поломкам внутри? Сила духа и утонченность ума – вот что спасло Византию от гибели при надломе акматической фазы. Мы сейчас называем византийцев «греками» по языковому принципу, но на самом деле в Константинополе жили и действовали, кроме греков, готы, исавры, славяне, армяне, пафлагонцы, иллирийцы и арабы. В столицу из родных мест стремились лучшие, т. е. наиболее пассионарные, персоны. Объединенные строгой системой православия, они отстаивали империю как свое отечество, ибо предками своими считали не диких горцев или пиратов, а святых мучеников первых веков христианства. Их традиции они берегли и охраняли даже ценой своей жизни. Вот почему Византия пережила всех своих сверстников, кроме восточных славян.

II. Мусульманский суперэтнос

7. Появление арабов

Аравийский полуостров очень давно был заселен этносами, говорившими на наречиях древнего семитского языка, но в интересующую нас эпоху (V–VI вв.) не представлявшими никакой целостности: ни этнической, ни социальной, ни культурной, ни тем более политической.⁹² Поэтому у них не было и самоназвания; слова «араб» они не знали.⁹³ Видимо, они были осколками древних этносов, проживших циклы исторического существования и перешедших в гомеостаз, т. е. в равновесие с природными ландшафтами населяемой ими страны.

Пассионарный толчок конца V – начала VI в. вызвал интенсивный процесс этногенеза, вследствие чего началась интеграция реликтовых этносов. Выразилась она в ожесточенных межплеменных войнах, например в войне бену-асад против бену-кинд, развитии поэзии и принятии разных религиозных систем из Византии и Ирана. Древнее почитание звезд как божеств сохранилось только среди бедуинов Центральной Аравии; в оазисах Хиджаса и Йемена распространились христианство разных направлений и иудаизм.

Понятно, что наибольший успех иноземные системы мировоззрения имели у пассионариев, а не у инертных людей гармоничного уровня, при котором импульсы пассионарности и инстинкта равны. Но были и такие пассионарии, которых философские проблемы не интересовали. Эти занимались стяжательством: либо торговлей, либо грабежом караванов, либо военной службой в Византии (Гасаниды) и Иране (Лахмиды). Алчность – такой же модус пассионарности, как и фанатизм.

Инкубационный период арабского этногенеза длился около 100 лет. К началу VII в. уровень пассионарного напряжения вырос настолько, что стали появляться оригинальные консорции, способные облечь себя в социальные формы и создать догмы исповеданий. Такой консорцией был ислам, проповеданный в Мекке неграмотным погонщиком верблюдов Мухаммедом, искренне считавшим, что он передает слова Аллаха. Именно искренность, бескорыстие и страстная убежденность привлекли на сторону Мухаммеда некоторых арабов – искателей истины (мухаджиров), но они же навлекли на него ненависть других, в частности Абу-Суфьяна, возглавлявшего богатый и влиятельный род Омейя, многих поэтов и бедуинов. Однако Мухаммед и примкнувшие к нему пассионарии (ансары) победили, принудили мекканцев и бедуинов принять веру ислам и создали государство, охватившее весь полуостров. Так консорция выросла сначала в субэтнос, а потом уже в этнос.

Дело в том, что обращение мекканцев и бедуинов было лицемерным. Бедуины отреклись от ислама, как только узнали о смерти пророка, – в 632 г. Их усмирил первый халиф – Абу Бекр, тесть Мухаммеда. Но мекканцы сумели извлечь выгоду из образования государства, заняв в нем важные и доходные посты. Они сражались с греками и персами рука об руку с мусульманскими фанатиками, руководимыми халифом Омаром. В совместных войнах за веру и добычу сложился этнос, получивший название «арабы».⁹⁴ Все они были мусульмане, одни искренне, другие лицемерно. В 656 г. «лицемеры» и фанатики начали войну между собой.⁹⁵ Победили

⁹² См.: Мюллер А. История ислама. Т. I. СПб., 1895. С. 24–28.

⁹³ См.: Ислам. М., 1984. С. 129 и след.

⁹⁴ См. там же.

⁹⁵ Противники ислама были столь же пассионарны, как и его сторонники, что вызвало ожесточенную гражданскую войну между крайними фанатиками – хариджитами (партией зятя пророка, Али) – и сторонниками Омейядов (которых в мусульманской историографии называли «лицемерами»).

в 661 г. «лицемеры», сохранившие ислам, который продолжал цементировать преобразенный им арабский этнос под зеленым знаменем Омейядов.

Самыми жестокими противниками династии были сами арабы, либо как сторонники потомков законного халифа Али, либо как противники монархического принципа – фанатики ислама. Первые именовались шиитами и выступали под белым знаменем, вторые назывались хариджитами; у них было красное знамя.

Несмотря на наличие многих партий и разнообразие течений мысли, арабские племена интегрировались в единый этнос. Когда кайситам – племенному объединению северных арабов – и кельбитам – южным арабам – приходилось сражаться против персов и греков, в Иране или Сирии, они откладывали в сторону былые распри и помогали друг другу истреблять неверных. В далеких походах бедуины дружили с мекканцами и йеменцами, хотя на родине те и другие терпеть не могли друг друга. Военные лагеря – Куфа, Басра (в Месопотамии), Кайруан (в Северной Африке) и т. п. – стали центрами создания нового арабского этноса, для которого былые племенные связи теряли значение. Но в этих военных поселениях жили не только арабы.

Грандиозные победы на востоке и западе расширили границы халифата до Памира и Пиренеев. Множество племен и народов было включено в халифат и обращено в ислам. Так создался мусульманский суперэтнос, слишком громоздкий для того, чтобы его могла вместить социально-политическая система. Покоренные этносы не отбрасывали воспринятую мусульманскую традицию, но приспособливали ее к своим вкусам и наклонностям, что в равной степени характерно для обращенных в ислам персов, берберов, турок и для самих арабов, в особенности бедуинов. Подобно тому как в Европе боролись гвельфы с гибеллинами, в мире ислама против суннитского халифа, аналогичного не королю, а папе, выступали шииты, сторонники наследников убитого хариджитами халифа Али («Шият-Алий» – партия Али). Стоило шиитам добиться преимущества, как против них выступали ревнители суннитского правоверия, отнюдь не разбиравшиеся в теологических тонкостях, но четко понимавшие его выгоду и охотно убивавшие противников. Однако те и другие без тени сомнения отстаивали ислам от внешних врагов: христиан, язычников и огнепоклонников. Внутренних противоречий сознание единства не устраняло, но сила агрессии почти не снижалась, а именно это было важно для всех соседей халифата, в том числе для хазар.

Захватив Иран в 650 г. и Армению в 654 г., арабы унаследовали ту роль, которую играли в Закавказье шаханшахи⁹⁶ династии Сасанидов. Постоянная война с Византией проходила в горах и нагорьях Малой Азии и на лазурной поверхности Средиземного моря. Первые победы отдали в руки правоверных халифов Сирию, Месопотамию, Египет (634–642). Затем настала очередь Омейядов, завоевавших в 698 г. Карфаген, в 711–712 гг. – Испанию, а затем и Аквитанию. Столь же быстрыми были успехи «лицемерных» мусульман, арабов, внезапно обретших доблесть, незнакомую их предкам, и на востоке. В 661–662 гг. арабы завоевали Агванию и дошли до Дербента. В 664 г. они вторглись в Пенджаб, а в 674–676 гг. – в Согдиану и Хорезмский оазис. В 704–715 гг. арабский полководец Кутейба завоевал все оазисы Средней Азии. Казалось, что зеленое знамя Омейядов вскоре будет реять над всем миром.

Но тут началось сопротивление столь же ожесточенное, как и натиск. В 717–718 гг. арабский флот был сожжен греческим огнем около Константинополя, а армия, изголодавшаяся и потрепанная греками, отошла с огромными потерями. После этой неудачи арабы утратили инициативу в войне против Византии.

В 732 г. Карл Мартелл собрал войско из франков и остановил арабов у Пуатье. Долгое время шла война между франками и арабами на северном склоне Пиренеев, пока арабы не отошли за этот хребет. Осталась незавоеванной Астурия, с 718 г. превратившаяся в вечную угрозу для арабской Испании.

⁹⁶ Шахан – мн. ч. от шах – царь.

В 717 г. хан тюргешей Сулу предложил империи Тан мир и союз против арабов. Противник Китая Тибет заключил с империей Тан сепаратный мир, благодаря чему тюргеши сдерживали наступление арабов до 736 г. Трудно не поставить эти события в связь с той войной, которую Хазария вела на Кавказе, очевидно находясь в составе антиарабской коалиции.

Источники того времени ничего не сообщают о восточных и западных связях Хазарии в период кульминации арабских завоеваний, но разве в источниках написано все? Зато логика событий и хронологические совпадения позволяют считать, что Тюргешское ханство, вступившее в союз с империей Тан, было союзником Хазарии и Византии, а освободившиеся от подчинения Западно-Тюркютскому каганату печенеги действовали в пользу арабов, прервав пути от Балхаша до Каспия. Они тревожили тылы хазар и тюргешей, но не получили помощи от арабов и проиграли войну.

Омейядские халифы располагали силами значительно большими, чем любой из их противников. И пассионарный подъем облегчил им не только походы, но и инкорпорацию покоренных этносов, а тем самым было обеспечено пополнение регулярных войск, именовавшихся в то время таджиками. Но система диверсий при войне на четыре (включая Испанию) фронта не дала возможности реализовать перевес в силах. Проследивая синхронность выступлений греков, хазар, тюргешей, хуттальских горцев на востоке, франков – на западе, легко убедиться, что она не случайна, а тем самым установить наличие антимусульманского блока, поддержанного империей Тан.

С 717 г. согдийцы вели войну с арабами с переменным успехом, но в 737 г. китайцы поссорились с тюргешами, тюргешы вошли в союз с тибетцами и осадой крепости Кучи парализовали силы империи Тан, изолировав Согдиану. В 738 г. арабский наместник Наср ибн-Сейяр подавил последние восстания и сделал Среднюю Азию мусульманской страной, но зато после битвы при Акроине в 739 г. арабы были выбиты из Малой Азии.

Далеко не каждый режим может позволить себе роскошь терпеть поражения в наступательных войнах. Омейяды были непопулярны в своей стране. Халифов Дамаска ненавидели монархисты – сторонники Алидов и республиканцы-хариджиты, завоеванные берберы, ограбленные персы, обделенные при разделе добычи бедуины, а также все иноверцы, платившие джизью – налог, дававший право на сохранение своей веры. Но кроме поводов к недовольству надо было иметь энергию для борьбы, т. е. пассионарность.

Пассионарных людей было относительно мало, но гармоничных и посредственных – несравненно больше. Пока их не очень прижимали налогами, они вели себя спокойно, давая пассионариям гибнуть в мятежах. Но это было лишь потому, что победы приносили халифам и эмирам основной доход. Те понимали, что их кормит война, и шли туда, где можно было награть имущество и добыть рабов. Поскольку Согдиана была уже освоена, настала очередь Хазарии.

8. Вторжение в Хазарию

Было очевидно, что силы халифата и Хазарии были несравнимы. Помимо того что большую часть хазарских земель составляли сухие степи, в которых обитали враждебные племена, хазары были отрезаны от своих потенциальных союзников – тюркютов и тюргешей и, будучи язычниками, не могли установить искреннего контакта с Византией, потому что в VII–VIII вв. исповедание веры было индикатором политической ориентации. Несмотря на победу над северокавказскими болгарами и захват Степного Крыма в 670–679 гг., хазары практически не имели тыла. Болгарские племена, отошедшие на Дунай и на Каму, грозили им с запада и севера до конца VII в.

А за эти десятилетия арабы подчинили не только Армению и Грузию, но и Агванию (в 693 г.) и Лазику, в результате чего овладели Дербентским проходом. На очереди было вторжение в Хазарию.

Война развернулась вокруг Дербента. В 708 г. арабы захватили, а в 711 г. утратили эту крепость. В 713 г. арабы вторглись в «страну гуннов» (Северный Дагестан) и потерпели поражение, а в 721 г. хазары вторглись в Армению и были разбиты наголову. Арабы, развивая успех, взяли Дербент, Беленджер (на берегу р. Сулак) и разрушили Семендер (на берегу Терека, около станицы Шелковской). Успех арабов был облегчен тем, что аланы ударили по тылам хазар. За это они заплатили дорого: в 724–725 гг. арабы прошли через Дарьяльский проход, напали на алан, покорили их и обложили подушной податью.

Затем каждый год происходили набеги арабов и контрнабеги хазар, причем активность первых умерялась необходимостью расплывать силы на Малую Азию и Среднюю Азию, а вторым пришлось перенести столицу с Терека на Волгу, где был построен город Итиль.

На стороне хазар сражались евреи, обитавшие на равнине между Сулаком и Терекком,⁹⁷ и греки, союз с которыми был скреплен браком императора Константина V (Исавра) и хазарской царевны Чичак (Цветок), в крещении Ирины. Некоторую помощь оказали грузины, составившие в 735 г. против арабского гнета и усмиренные крайне жестоко. Гораздо меньше, чем можно было ожидать, сопротивлялись арабам государства Дагестана. Талантливый и жестокий полководец Мерван взял горные крепости, покорил в 736 г. лакцев (лакзов) и алан и перенес войну в Хазарию. В 737 г. арабское войско дошло до правого берега Волги. Оно насчитывало 150 тыс. воинов, в том числе вспомогательные отряды армянских князей. Против этой могучей армии хазары смогли выставить лишь 40 тыс. ополченцев. Хан, покинув войско и страну, бежал на север, «к горам», а хазарская рать двигалась за ним по левому берегу Волги, полагая, что эта могучая река является непреодолимым рубежом для их противников.⁹⁸

Хазары недоучли развитие инженерного искусства южных народов. Омейяды опирались не только на бедуинов Аравии, кайситов и кельбитов, и оседлых арабов Хиджаса, владевших столь же примитивной техникой, как тюркюты и хазары. Завоевание культурных стран Ближнего Востока дало им в руки такие возможности, каких не было у хазар, хотя и не повысило культурного уровня головорезов, составлявших экспедиционные отряды. Блестящая культура, которую принято называть мусульманской, возникла позже и создана персами, сирийцами, египтянами и городскими арабами Месопотамии после того, как все они сокрушили диктатуру Омейядов, опиравшуюся на грубую силу бедуинского союза кайситов.

Итак, Мерван располагал умелыми инженерами, которые сумели соорудить понтонный мост через Волгу. По этому мосту переправился отборный отряд арабов и напал на хазарское ополчение врасплох. Десять тысяч хазар было убито, 7 тыс. взято в плен, остальные разбежались.

Поняв, что война проиграна, хазарский хан запросил мира и получил его при условии принятия ислама. Мерван вернулся в Закавказье с добычей и 40 тыс. пленных, которых арабы называли «сакалиба». Эти несчастные были захвачены в плен около «славянской» реки, а что считать славянской рекой, не было установлено.⁹⁹ Предполагалось, что эта река – Дон, около совр. Калача. Пленники, придя на место, взбунтовались, убили поставленного над ними эмира и бежали на родину, но по пути они были настигнуты и перебиты.

Разгромив хазар, Мерван подчинил в 739 г. государство Серир (в Дагестане), а в 744 г. вернулся в Дамаск и сел на престол халифа. И тут этот прославленный воин столкнулся с

⁹⁷ О том, как попали евреи на Кавказ и в Хазарию с Ближнего Востока, см. ниже – 23. У персов V–VII вв.

⁹⁸ Подробное описание операций см.: Артамонов М. И. История хазар. С. 202–225.

⁹⁹ См. ниже – 28. Рахдониты.

такими врагами, против которых бессильны таланты и доблесть, – с предательством и изменой. В 750 г. он погиб.

9. Неожиданная победа

Грандиозные победы арабов оказались бесплодными. Население Хазарии и Дагестана предпочитало исламу христианство, распространявшееся среди горожан. Сами хазары охарактеризованы современным христианским автором как народ грубый, звероподобный и кровавый, без религии, но почитающий единого Бога-Творца.¹⁰⁰ Но не так уж правильна эта характеристика, ибо веротерпимость хазар достоверна. Евреи жили среди хазар, не испытывая никаких ограничений, и даже пользовались свободой слова при диспутах с христианами и мусульманами. Один из таких диспутов описан в письме царя Иосифа, причем евреи якобы одержали полную победу. Этот диспут имел место в царствование византийского императора Льва III (717–741),¹⁰¹ дав возможность вождю еврейской общины, охазаренному еврею Булану, принять библейское имя Сабриэль и сделать блестящую военную карьеру (см. ниже), кончившуюся описанным разгромом Хазарии. И не случайно мусульманский проповедник, оставленный Мерваном для обращения хазар в ислам, был коварно убит не грубым язычником или фанатичным христианином, а еврейским раввином, как сообщает достоверный арабский автор ал-Бакри.¹⁰² Но это преступление было фактом исключительным. После 750 г. хазары вернулись к привычным нормам поведения и даже принимали сторонников Омейядов, просивших у них политического убежища.

При новой династии – Аббасидах – хазары перешли в активное наступление и с 764 по 799 г. вторгались в Закавказье, где от власти арабов освободились Кахетия, Тао-Кларджети и Абхазия. Теперь уже не халифат был опасен Хазарии, а Хазария – халифату.

Столь же безвредна стала для хазар Византия, которая помимо внутренних неурядиц выносила постоянную войну с арабами, проходившую с переменным успехом для обеих сторон. Союз с Хазарией был Византии так дорог, что даже попытка крымских готов освободиться от власти хазар и вернуться в состав империи не была поддержана греками, а руководитель мятежа был выдан хазарам. Те обошлись с пленником весьма милостиво: устроили ему побег из тюрьмы.¹⁰³ Видимо, хазары не сочли готскую авантюру чем-то заслуживающим внимания.

Помимо набегов, приносивших богатую добычу, хазарские ханы династии Ашина вели и значительно более масштабные операции. В 762 г. в руки хазар перешли области Хамзин, Лакз и Алан,¹⁰⁴ а это значило, что все плоды походов Мервана уничтожены и Кавказский хребет стал естественной границей Степной Евразии и мусульманского мира – Леванта.

Однако взаимодействие между халифатом и Хазарией не прекратилось, а просто изменило форму. Место воинов-завоевателей заняли купцы, сделавшие Каспий и Волгу торговым путем в страну Биармию, или Великую Пермь. Арабские серебряные дирхемы потекли на север в обмен на драгоценные меха. Новая хазарская столица Итиль, находившаяся в Волго-Ахтубинской пойме, и Великий Булгар, расположенный несколько ниже впадения в Волгу Камы, превратились в перевалочные пункты транзитной торговли. Эта последняя стимулировала развитие земледелия и виноградарства, так как избыток продуктов находил сбыт на итильском базаре, где покупали пропитание приезжие, натерпевшиеся голода в пути через море. Тогда между арабами и хазарами установился прочный мир.

¹⁰⁰ См.: Артамонов М. И. История хазар. С. 248.

¹⁰¹ См. там же. С. 266.

¹⁰² См. там же. С. 277.

¹⁰³ См. там же. С. 254–256.

¹⁰⁴ См. там же. С. 243.

Подведем итог. За полтора столетия самостоятельного существования (650–800) крошечный тюрко-хазарский этнос не только отстоял свою независимость, но и расширил пределы своей державы до Дона на западе, Кавказского хребта и Яйлы на юге и Яика на востоке. Северную границу определить трудно, да вряд ли она и существовала как определенная граница. Скорее можно говорить о силе влияния, плавно убывавшей по мере отдаления от столицы.

Эластичность государственной системы, которую можно рассматривать как вариант тюркского эля, допускала компромиссы с соседними этносами и субэтносами, т. е. малыми племенами, сливавшимися с хазарами. А стойкость этнической целостности определялась принадлежностью всего населения Хазарии к западноевразийскому суперэтносу.

Исключением была только немногочисленная колония евреев в равнинном Дагестане, мирно сосуществовавшая с хазарами. Однако добрые взаимоотношения и этнические контакты не одно и то же. Если первые определяются политическими ситуациями и конъюнктурой, то вторые не зависят от сознания людей, а тем более от волевых решений ханов или беков. Законы природы имеют свою логику, и в IX в. последняя вступила в силу. Тогда на месте этнической ксении¹⁰⁵ появилась страшная суперэтническая химера.

В истории повторение политической ситуации чаще всего влечет за собой восстановление расстановки сил, хотя буквальных совпадений не бывает никогда. За 250 лет самостоятельного существования Хазария выросла настолько, что из крошечного удела западнотюркских царевичей превратилась в сильную державу, выигравшую войну у Арабского халифата. И тут-то сплелись судьбы еврейского и хазарского этносов, причем самым неожиданным образом. Но не будем спешить, закончим описание южных соседей Хазарии.

10. Смена фазы

Пассионарный подъем этнической системы характеризуется социальным императивом: «Будь тем, кем ты должен быть», что способствует увеличению слаженности внутри этноса и даже суперэтноса. Именно благодаря такой слаженности первые халифы, а затем Омейяды могли мобилизовать энергию своих подданных на завоевания и подавление восстаний внутри страны, но рост пассионарности превышает возможности системы и разрушает ее устойчивость. Как только возникает, и всегда стихийно, императив акматической фазы: «Будь самим собой», система деформируется, как автомобиль, несущийся с такой скоростью, что от него отлетают колеса, ломаются оси. Это перегрев, охладить который может только пролитая кровь.

Именно кровью арабов и персов, шиитов и хариджитов гасил восстания Хадждадж, омейядский полководец, в 680–701 гг. Этими зверствами он задержал ход этнической истории на 50 лет, но остановить природный процесс этногенеза труднее, чем лавину. Хадждадж, «враг Аллаха и людей», казнил 130 тыс. человек, но те перед гибелью успели рассеять генофонд по популяции, так что в VIII в. пассионарный уровень персов и берберов сравнялся с арабским, а, может быть, кое-где и превысил его. Поэтому престол последних Омейядов в Дамаске стал походить на просыпающийся вулкан. И так как Омейяды держали всех Алидов под присмотром, на роль претендента был выдвинут потомок дяди пророка, Аббаса, Абуль Аббас Саффах, у которого был талантливый помощник, бывший раб, Абу-Муслим.

В 744 г. в Куфе взвилось белое знамя шиитов, а красное знамя хариджитов уже реяло от Западного Ирана до Южной Аравии. Кайситы поссорились с кельбитами, и последние стали противниками Омейядов. Наконец, в Хорасане 9 июня 747 г. 4 тыс. повстанцев подняли черное знамя Аббасидов и двинулись на запад, на ненавистный Дамаск.

К Аббасидам примкнули все группы населения халифата, обиженные Омейядами: иранские крестьяне, бедуины-кельбиты и беглые рабы; мусульмане – сунниты, шииты, хариджиты;

¹⁰⁵ Ксения (ксенос – гость) – термин, заимствованный из геологии.

немусульмане – маздакиты, манихеи, несториане и огнепоклонники. Силы Мервана таяли, и в январе 750 г. все было кончено. Аббасиды, пришедшие на смену Омейядам, должны были управляться со всем этим разнообразием, а это было очень трудно. Первый халиф, Абу-л-Аббас (749–754), ознаменовал свое вступление на престол резней членов рода Омейя, хотя те выразили готовность ему подчиниться. Второй, Мансур (754–775), предательски убил Абу-Муслима, благодаря которому династия взойшла на престол. Его сын Махди (775–785) открыл дорогу дворцовым интригам, в результате чего его наследник Хади (785–786) был убит и власть досталась другому его сыну – Харуну ар-Рашиду (786–809), незаслуженно прославленному в своде новелл «Тысяча и одна ночь». На самом деле это был жестокий деспот, казнивший своих лучших помощников – визирей из рода Бармекидов.

Все перечисленные и опущенные в перечислении случаи вероломства указывали наперед широчайшее развитие эгоизма, доводимого до крайних пределов, не принимающего в расчет общих интересов владетельного дома,¹⁰⁶ а тем более государства. Как ни плохи, ни жестоки, ни лицемерны (в религиозном смысле) были Омейяды, но они шли от победы к победе, руководствуясь, пусть неискренне, доминантой ислама и джихада (войны за веру). Аббасиды были правоверными суннитами, но именно при них арабы утратили всякое значение в державе, созданной их героическими предками. Персы вытеснили арабов из администрации, тюрки – из гвардии, негрызиджи – из домашнего быта, евреи – с базара. Багдад стал мировым центром транзитной торговли, но считаться с его населением халифы не хотели, ибо верили не своему этносу, а своему окружению: подхалимам, солдафонам и доносчикам.

Этот гипертрофированный индивидуализм показывает, что арабы VIII–IX вв. догнали византийцев V в., вступив в акматическую фазу пассионарного напряжения. Это, видимо, связано с широкой метисацией и полигамией, при которой дети пассионариев от разных матерей заполняли войска и базары, дворцы и мечети. И так как детей до пяти лет воспитывали матери, то родство по отцу воспринималось как юридическая фикция. Рост пассионарности и этническая метисация разрывали арабские семьи. А при этом где уж удержать единство государства?

Понятно, что при таком управлении не могло даже быть речи о завоеваниях. Наоборот, были потеряны Испания в 756 г., Магриб (Марокко) в 789 г. и Ифрикия (Тунис) в 800 г. Инициатива в мировой политике стала переходить от мусульман к христианам.

Однако потеря политического единства придала суперэтнической системе гибкость, позволившую ей распространиться вширь без тяжелых и кровопролитных войн. Первые три века обращение в ислам стоило очень дорого, и плата с новообращаемых собиралась в форме тяжелых налогов. Поэтому горцы Гиндукуша и степняки Средней Азии не жалели сил, отстаивая вместе с верой независимость. Но если независимость горцев надежно защищали непроходимые ущелья и отвесные скалы, на которых высились неприступные крепости, то горожанам приходилось искать компромиссы между своей совестью и установками правительства. Тех, кому это удавалось, называли шиитами, и хоть не одобряли, но и не преследовали.

Столетнее владычество арабов в Иране и Северной Африке изменило характер этнического размежевания предшествовавшей эпохи. Бедуины постепенно теряли былые племенные различия, так как сменили скотоводство на сопровождение и охрану караванов паломников, а культ звезд – на нивелирующий ислам. Но в Аравии и Сахаре перемены шли очень медленно, тогда как в городах пришлое население мешалось с местным и уже в VIII в. создался тип «восточного» города, знакомый читателю по многим описаниям путешественников и беллетристов.

Характерной для этнологии тут была замена родоплеменного принципа сложения субэтносов конфессиональным. Это может показаться странным, так как доктрина ислама моно-

¹⁰⁶ См.: Мюллер А. История ислама. Т. II. С. 147.

литна, проста и как будто не допускает отклонений и ересей. Но если пассионарные люди имеют причину для раскола, то они найдут и повод.

Впервые единство было нарушено убийством халифа Османа в 656 г., что вызвало первую гражданскую войну. Затем в 657 г. халифа Али покинули 12 тыс. воинов, создавшие новое течение – хариджиты. Эти три течения, вначале только политические, создали себе идеологические системы, стереотипы взаимоотношений друг с другом и внутри своих общин и завербовали сторонников из числа покоренных этносов, причем горожане, оппозиционные к правительству, часто предпочитали шиизм, а кочевники становились хариджитами.

При этом разделении мусульман активно действовали гебры-огнепоклонники, хуррамиты-маздакиты, христиане-монофизиты в Армении и Египте и монофелиты в горах Ливана. И все это конфессиональное разнообразие было необходимо как повод для кровопролития, ибо страсти, сжигающие сердца потомков арабов, требовали выхода и находили его в войне против халифов. Ради этой борьбы возникали разнообразные консорции, большая часть которых погибла, но некоторые доросли до уровня субэтнуса.

Соотношение между категориями «этнос» и «культура» крайне вариабельно. Этнос не может обойтись без системы запретов, унаследованных от предков навыков, представлений о справедливости, хотя бы только для соплеменников, и родовых святынь. Но когда это все создано, стало привычным, сделалось достоянием всех принятых в социальную систему государства и, самое главное, когда создатели культурного комплекса оказались в положении угнетенных, а иноземцы – привилегированных, то установившийся порядок может существовать как дом, из которого выгнали семью, его построившую. Так было в Арабском халифате IX в.

Арабская пассионарность, рассеянная по всему Ирану, нашла свое выражение в серии восстаний, обреченных на гибель, но повторявшихся под различными лозунгами. В 755 г. – восстание Сумбада Мага в Западном Хорасане; в 767 г. – восстание Устада Сиса в Восточном Хорасане; в 778–779 гг. – восстание «краснознаменных» в Гургане; в 776–783 гг. – восстание «одетых в белое» в Мавераннахре; в 816–837 гг. – восстание хуррамитов (маздакитов) в Азербайджане и Западном Иране под предводительством Бабека. Но самым существенным было восстание Мамуна, сына халифа Харуна ар-Рашида, против своего брата Амина. И вот почему.

Мамун был законным наследником... от жены-персиянки. Амин был младшим сыном... от жены-арабки. Поэтому Харун завещал престол Амину, которого поддерживали арабы. Мамун, будучи правителем Хорасана, поднял восстание в 811 г. Его поддержали персы, и он победил в 813 г., хотя сопротивление арабов длилось еще несколько лет. С этого времени халифат перестал быть арабским, а стал мусульманским суперэтносом, политически раздробленным на несколько эмиратов и идеологически расколотым шиитскими направлениями и суннитскими школами. Тех и других было по четыре, и все они боролись друг с другом, занимая разные кварталы в самых оживленных городах.

В мусульманских городах жизнь была легкой и приятной, ибо тяжело жилось в деревнях и кочевьях. А в торговых городах население всегда смешанное и часто непостоянно живущее. Одни приезжают, торгуют и уезжают, другие их сменяют, третьи общаются. Так в Дамаск, Александрию, Тунис и Севилью вместе с духами и шелками с Востока проникали идеи – новые, интересные, логичные и перспективные в том смысле, что их можно было обратить в действия, сулящие власть и богатство. Возникали многочисленные секты, члены коих называли себя шиитами, чтобы избежать гонений. Секты захватывали власть, и за счет нее сектанты обогащались, равно как и правоверные сунниты, когда им удавалось подавить мятежников.

А так как самим выдумывать философские концепции сложно, то рассказы о них подслушивали на базарах у приезжих, ибо среди купцов были образованные люди и даже ученые. Таким образом, оригинальные этнические мироощущения и мировоззрения вытеснялись привозными. Все это называлось «мусульманской культурой» и предлагалось соседним христианским народам как высшее достижение интеллекта.

Те реагировали на это предложение двояко: греки, гордые древней культурной традицией, воспринимали «восточную» философию скептически, французы и испанцы принимали ее с восторгом, но усваивали выборочно, с определенной степенью критики, хотя противопоставить ей не могли ничего существенного. Арианская традиция была к IX в. забыта, а с нею ушла былая грамотность белого духовенства. В Константинополе сидели иконоборцы, поэтому папы не препятствовали обучению кандидатов в епископы в Кордове. Так и потянулись метастазы восточных учений через Францию в Англию. Таково было обаяние культуры инерционного периода арабского этногенеза.

И на это роскошное здание, фундамент которого уже сгнил, с восторгом смотрели жители Западной Европы, переживавшей так называемое Каролингское возрождение, во время коего малограмотные франкские короли приглашали ученых из неправовой Ирландии, из схизматического Константинополя и, уж конечно, из Кордовы и Севильи, где жили ученые иудеи, которые могли научить необходимым языкам – греческому, латинскому, древнееврейскому.

Иудеи и христиане разных исповеданий были разбросаны по всем крупным городам халифата, но кроме участия в экономической жизни Ближнего Востока они обогатили мусульманскую культуру переводами греческих авторов на арабский язык. В эпоху Омейядов этой работой занимались христиане. Знаменитый Иоанн Дамаскин остроумно пытался найти точки соприкосновения между христианством и исламом, истолковывая предвечность Корана, «Слова Божия», переданного Аллахом через архангела Гавриила пророку Мухаммеду, как вариант учения о Логосе – «втором лице святой Троицы».

С победой Аббасидов центр тяжести культуры переместился в новый город – Багдад, построенный халифом Мансуром на западном берегу Тигра. В Ираке были другие читатели, нежели в Сирии. Большая часть иракских арабов происходила от буйных воинов Куфы и Басры – военных колоний VII в. К их числу добавились персы и потомки купцов, приезжавших в Басру через Персидский залив. Этим пассионариям второго-третьего поколений нужна была собственная идеология: философия и теология. Они обрели таковую и отделились от правоверия. Их так и называли: «мутазилиты» (отщепенцы). Сами себя они называли «людьми единбожия и справедливости».¹⁰⁷

По сути дела, мутазилиты перестали быть мусульманами. Отрицая несозданность Корана, они отрицали и святость его, что позволяло им толковать суры (тексты) аллегорически, т. е. как угодно. Не признавая предопределения, они выступали против фатализма на том основании, что Аллах не предписывает творить зло, а поскольку такое налицо, то оно исходит не от Бога, а от свободной воли. В этом они смыкались с зороастризмом, ибо при отсутствии возможности выбора между добром и злом свободной воле людей негде проявиться. Бога мутазилиты считали непознаваемым, так что не было возможности отличить его от шайтана. Рай и ад они считали метафорами, а не реальностью.

Вместе с этим мутазилиты были противниками религиозного вольнодумства. По их указаниям халиф Мамун в 827 г. объявил учение мутазилитов государственным исповеданием, а в 833 г. учредил инквизицию (михна), цензуру и наказания ссылкой и плетью для ортодоксальных мусульман.¹⁰⁸ Этот жестокий режим просуществовал до 850–851 гг., но, увы, былая мусульманская веротерпимость не вернулась; только теперь еретиками считали самих мутазилитов наряду с хариджитами, шиитами, «зиндиками». Даже терпимые исламским правом христиане и иудеи стали подвергаться тяжелым стеснениям при суннитском фанатике Мутаваккиле.¹⁰⁹

¹⁰⁷ Бартольд В. В. Ислам. Пг., 1918. С. 70; Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII–XV веках. Л., 1966. С. 199–213.

¹⁰⁸ Мамун вначале был умеренным шиитом (см.: Бартольд В. В. Указ. соч. С. 72), но после того, как против него в Ираке в 815 г. восстали шииты зейдитского толка и ему пришлось казнить вождя повстанцев (см.: Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 248), он перенес свои симпатии на мутазилитов, отчего пострадали сунниты, шииты, да и сами мутазилиты.

¹⁰⁹ См.: Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 255.

Кратковременное господство мутазилитов в халифате имело последствия поистине грандиозные. Небольшой кружок интеллигентов, читавших лекции, переводивших на арабский язык греческих философов и проводивших научные диспуты, встал между правительством и народом. Ради успеха своего учения мутазилиты одобрили произведенную халифом Мутасимом реорганизацию гвардии: конница пополнялась рабами-тюрьками, а пехота – наемниками-дейлемитами. Правительство вооружалось против народа.

Однако тюрьки были не теми людьми, которых легко использовать. В 861 г. они убили халифа Мутаваккиля, а затем за десять лет – четырех его преемников при полном равнодушии населения Багдада. Династия Аббасидов была надежно скомпрометирована.

Но еще более вредным последствием для ислама было распространение тезиса «батин» (внутренний смысл), допускавшего любой произвол в толковании Корана. Как только это учение попало в руки деловых интриганов, они создали систему исмаилизма, или карматства, основанную на тайной мудрости для посвященных и безусловном повиновении для профанов; а где тайна – там дьявол. И тут кровь потекла еще обильнее.

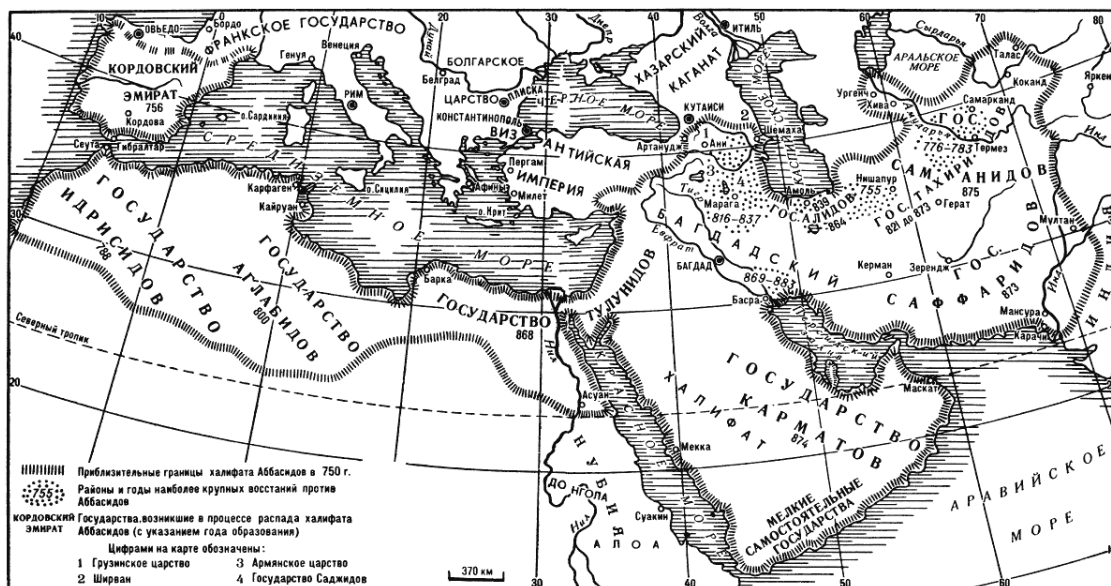
11. Поборники искаженного света

В середине VIII в. партия сторонников Алидов распалась на умеренных и крайних, последних называли исмаилитами, или карматами. Карматы унаследовали старинную арабскую пассионарность, сменив религиозную доминанту, т. е. фактически отойдя от догматов ислама. По сути дела, их община в Бахрейне превратилась в субэтнос, создавший в 899 г. самостоятельное государство с центром в Лахсе. Война карматов с мусульманами была беспощадной, и вот почему.

Мусульманское право, шариат, позволяло христианам и евреям за дополнительный налог, харадж, спокойно исповедовать свои религии. Идолопоклонники подлежали обращению в ислам, что тоже было сносно. Но «зиндикам», представителям нигилистических учений, грозила мучительная смерть. Против них была учреждена целая инквизиция, глава которой носил титул «палач зиндиков».¹¹⁰ Естественно, что при таких условиях свободная мысль была погребена в подполье и вышла из него преображенной до неузнаваемости во второй половине IX в. И даже основатель новой концепции известен. Звали его Абдула ибн-Маймун, родом из Мидии, по профессии глазной врач, умер в 874 (875) г. Его последователь Убейдулла захватил власть в Африке как потомок Али. Он использовал право на ложь, даваемое высокой степенью посвящения.¹¹¹

¹¹⁰ Зиндик от персидского слова «зенд» – смысл, что было эквивалентом греческого «гнозис» – знание. Следовательно, «зиндики» – это гностики, но в арабскую эпоху это название приобрело новый оттенок – «колдуны» (см.: Мюллер А. История ислама. Т. II. С. 186).

¹¹¹ «Основа их веры внешне состоит в исповедании шиитской догмы и любви к повелителю правоверных Али, внутренне же они – неверные» («Китаб ал-байан». 158; цит. по: Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. М.; Л., 1949. Примеч. 339. С. 336). К аналогичному заключению пришел И. П. Петрушевский, рассматривающий учения «галийя» и «исмаилия» как самостоятельные религии, лишь внешне прикрытые шиитскими формами (см.: Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 242).

Аббасидский халифат в VIII–IX вв.

Догматику и принципы нового учения можно лишь описать, но не сформулировать, так как основным его принципом была ложь. «Сторонники новой доктрины даже называли себя в разных местах по-разному: исмаилиты, карматы, батиниты, равендиты, буркаиты, джаннибиты, саидиты, мухаммирэ, мубанзе, талими... Цель же их была одна – во что бы то ни стало разрушить ислам».¹¹² Можно было бы усомниться в этой характеристике, исходящей из уст противника, если бы фактическая история хода событий не подтверждала ее.

Видимая сторона учения была проста: безобразия этого мира исправит махди, т. е. спаситель человечества и восстановитель справедливости. Эта проповедь всегда находит отклик в массах, особенно в тяжелые времена. А IX век был очень жестоким. Мятежи эмиров, восстания племен на окраинах и рабов-зинджей в сердце страны, бесчинства и произвол администрации, поражения в войнах с Византией и растущий фанатизм мулл – все это ложилось на плечи крестьян и городской бедноты, в том числе и образованных, но нищих персов и сирийцев. Горючего скопилось много, достаточно было поднести к нему факел.

Свободная пропаганда любых неканонических идей была в халифате неосуществима. Поэтому эмиссары доктрины, да'и (глашатаи), выдавали себя за набожных шиитов. Они толковали тексты Корана, попутно вызывая в собеседниках сомнения и намекая, что им что-то известно, но вот-де истинный закон забыт, отчего все бедствия и происходят, а вот если его восстановить, то... Но тут проповедник, как бы спохватившись, замолкал, чем, конечно, разжигал любопытство. Собеседник, крайне заинтересованный, просил продолжать, но проповедник, опять-таки ссылаясь на Коран, брал с него клятву соблюдения молчания, а затем, испытывая добрую волю прозелита, а также его способность к послушанию, сумму денег, сообразно средствам обращаемого, на общее дело. Затем шло приобщение новообращенного к учению об «истинных имамах», потомках Али, и семи пророках,¹¹³ равных Мухаммеду. Усвоив это, прозелит перестает быть мусульманином, так как утверждение, что последним и наивысшим пророком является махди, противоречит коренному догмату ислама. Затем идут четыре степени познания для массы и еще пять для избранных. Коран, обрядность, философия ислама – все принимается, но в аллегорическом смысле, позволяющем перетолковывать их как угодно.

¹¹² Низам-ал-Мульк. Сиасет-намэ. С. 223.

¹¹³ Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммед – согласно учению всех мусульман; седьмой – ал-Махди – должен явиться перед днем Страшного суда, т. е. конца мира.

Наконец, посвященному объясняется, что и пришествие махди только аллегория познания и распространения истины. Все же пророки всех религий были люди заблуждавшиеся, и их законы для посвященного не обязательны. Бога на небе нет, а есть только второй мир, где все наоборот нашему миру. Свят лишь имам, как вместилище духа, истинный владыка исмаилитов. Ему надо подчиниться и платить золотом, которое можно легко добыть у иноверца путем грабежа и торговли захваченными в плен соседями, не вступившими в тайную общину. Все мусульмане – враги, против которых дозволены ложь, предательство, убийства, насилие. И вступившему на «путь», даже в первую степень, возврата нет, кроме как в смерть. Цель же этой ужасной жизни была ясна: для личности – достижение ангелоподобия, а для общины – путь, указанный «имамом времени»,¹¹⁴ т. е. Фатимидом, которому постепенно должен подчиниться весь мир. Эта «раковая опухоль» разъела тело халифата.

12. Смещение

А теперь прервем изложение хода событий и попытаемся найти в нем географический смысл. Психология этноса выражает себя в стихийно сложившейся доминанте – системе далеких прогнозов – и в стереотипе поведения. Но когда на органический настрой действует другой, достаточно мощный, то неизбежна деформация и доминанты, и стереотипа. Тогда появляется вместо органического мировоззрения эклектическое и, как правило, с обратным знаком, т. е. антисистема. Здесь применим третий биогеохимический принцип В. И. Вернадского, согласно которому «мысль не является формой энергии, а производит действия, как будто ей отвечающие».¹¹⁵ В нашем случае сознание мутазилитов сыграло роль руля, повернувшего пассионарные импульсы своих последователей на 180°. Произошла частичная аннигиляция, после чего уцелевшие арабы превратились в реликт, а арабоязычная культура распространилась по Средиземноморью независимо от арабского этногенеза. С X в. действующей фигурой истории стал многоэтничный мусульманский суперэтнос, в котором на первое место вышла дейлемская династия Буидов, на второе – антисистема Фатимидов и разбойничья республика карматов Бахрейна, на третье – бедуинские эмираты Сирии: Хамданиды, Укейлиды и др., и только на четвертое – суннитский халиф в Багдаде, окруженный со всех сторон враждебными шиитами.

Казалось бы, при таком печальном положении распространение ислама должно было остановиться. А случилось обратное: ислам шиитского направления приняли дейлемиты, а суннитского – карлуки (в 960 г.) и тюркское племя ягма¹¹⁶ (в 1000 г.). Зачем? Или, точнее, почему?

Оба этноса – горцы-дейлемиты и степняки-туркмены – были чужды мусульманской культуре, но те и другие использовали раскол среди арабов, так же как его использовали берберы в Северной Африке. Расчет их был верен: поддержать слабого и сломать сильного. Как ни плохо было багдадскому Аббасиду, он оставался повелителем правоверных. Это считали правильным не только массы, но и могущественные эмиры Хорасана и Мавераннахра – Саманиды, Азербайджана – Саджиды и ширваншахи, и правители Дербента. Суннизм ослабел, но значения не потерял. Возникло нечто вроде политического равновесия.

И тут выступили дейлемиты. Покинув свою горную скудную страну, вооруженные идеями восстановления царства Сасанидов и воздаяния захватчикам-арабам, руководимые талантливыми полководцами из фамилии Буя (Буиды), они врзались в Западный Иран, отделив Ирак – владение Аббасидов – от Хорасана, принадлежавшего Саманидам. И тут оказалось, что для того, чтобы делать завоевания в странах ислама, обязательно быть мусульманином.

¹¹⁴ Цит. по: Бертельс А. Е. Насир-и-Хосров и исмаилизм. М., 1959. С. 262.

¹¹⁵ Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965. С. 272.

¹¹⁶ См.: Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 86.

Буиды и их войско это знали и потому приняли шиизм в его умеренной форме еще перед началом завоеваний, что обеспечило им успех.¹¹⁷

Арабы защищались как умели, т. е. очень плохо и беспорядочно. Эмиры Мосула, Хамданиды, имели достаточно войск, чтобы поддержать халифа в Багдаде, но они к этому не стремились. Им было важнее расширить границы своего наместничества. Поэтому время и силы арабов уходили на интриги, распри, предательства, перечисление которых увело бы нас далеко от темы. А Буиды наступали, иногда неудачно, но последовательно.

Жители Ирака, и особенно Багдада, ненавидели дейлемитов, как иноплеменных завоевателей и шиитов. Столь же искренне они ненавидели своих защитников и единоверцев – тюркских гулямов, составлявших войска эмиров Месопотамии и Сирии. Но больше всего они боялись своих соплеменников – карматов. Сами же городские арабы не находили в себе мужества для защиты и от врагов, и от друзей, и от соседей-бедуинов, и даже от начальства. А ведь это были потомки завоевателей полумира!

В X в. в самом Багдаде, ограбляемом тюрками и дейлемитами, царил страшный голод; обыватели были обобранны до последнего дирхема на уплату жалованья войскам. Поэтому 19 декабря 945 г. Ахмед Буид после недолгого боя у ворот вступил в столицу, заставил халифа Мустакфи назначить себя главнокомандующим (эмир ал-умара) и объявил себя султаном, чем присвоил себе всю светскую власть.¹¹⁸ Вскоре халиф был свергнут с престола за то, что велел арестовать одного из Алидов, ослеплен и умер в тюрьме,¹¹⁹ а его наследники влачили нищенское существование.

Победа Буидов означала торжество шиизма, хотя большая часть населения Ирака и даже Багдада осталась верна суннизму. Вслед за Ираном и Сирией шиизм восторжествовал в Африке, где в 969 г. Фатимиды овладели Египтом. Суннизм как господствующее исповедание уцелел только в Испании, у Омейядов – потомков «лицемерных» мусульман, и в Средней Азии, у Саманидов. Иначе говоря, суннизм был оттеснен на окраины ареала, а шиизм принял на себя защиту ислама и... проиграл серию войн с Византией и Грузией.¹²⁰ В мусульманском суперэтнотопосе появились симптомы фазы надлома.

Для фазы надлома характерна потеря ощущения единства, как бы «раскол этнического поля», когда идеологические споры обретают реальное политическое бытие. Сами арабские хронисты называют эту дату – 974 г. – и это явление – «асабийя», т. е. раскол.¹²¹ С этого времени арабские шииты стали сторонниками дейлемитов, а не единоплеменных арабов. В 1015–1018 гг. дело дошло до открытых военных столкновений в самом Багдаде.

Буиды продержались у власти 110 лет и, вероятно, довели бы ислам и его культуру до полного разложения, если бы им не помешали туркмены-сельджуки.¹²² Те взяли пример с Буидов: начиная завоевание Ирана, они приняли сторону слабой партии и, опираясь на ее поддержку, одержали победу. Халиф сделался их союзником и уже в 1049 г. занял шиитский квартал тюркскими войсками. В 1055 г. Тогрулбек вступил в Багдад и объявил себя султаном. Положение халифа как будто осталось прежним, но теперь он стал духовным главой правителя, тогда как при Буидах был заложником у еретиков. Победы трех Великих Сельджуков остановили наступление христиан, а их потомки отразили крестоносцев.

А дейлемитов не стало. Буиды увели со своей родины так много самых храбрых и сильных юношей, что Дейлем захирел, хотя его никто не пытался завоевать. Последняя мелкая

¹¹⁷ См.: Мюллер А. Указ. соч. Т. II. С. 262 и след.

¹¹⁸ См.: Мюллер А. Указ. соч. С. 267–268.

¹¹⁹ См.: Михайлова И. Б. Религиозно-политическая борьба в Багдаде при Буидах и Сельджуках (X–XII вв.) // Ислам. С. 223.

¹²⁰ Из-за вражды шиитов и суннитов в 974 г. не удалось собрать войско для отражения греков (см. там же. С. 225).

¹²¹ Цит. по: Михайлова И. Б. Указ. соч. С. 225.

¹²² См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. IV. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1987.

династия, возводившая свою генеалогию к Сасанидам – Бадуспаниды, – просуществовала до конца XVI в., после чего прикаспийские области были присоединены к Персии.¹²³ Победы бывают столь же губительны, как и поражения.

Изменились нравы самих суннитов. Если раньше они привлекали и обращали иноверцев, то в конце XI в. в самом Багдаде ханбалиты (ведущая школа) срывали лекции и проповеди ученого ал-Кушайри, обратившего в ислам несколько иудеев. Ханбалиты кричали: «Это ислам вероломства и подкупа!» – и громили медресе.¹²⁴ Это вызвало такое возмущение, что шииты Багдада потребовали смены халифа.

Через три года ханбалиты подняли восстание не только против шиитов, но и против властей. Его пришлось усмирять войсками, которые жестоко расправились с ханбалитами, и те как организация перестали существовать.¹²⁵ Впрочем, уцелевшие школы – ханифиты и шафиты – восполнили утрату: резня в арабских и персидских городах не прекратилась. А так как наряду с этим кошмаром, затянувшимся на 170 лет, шли постоянные междоусобицы между сельджукскими эмирами и атабеками, то неудивительно, что страна ослабела, вследствие чего третье смещение – монгольское – осуществилось легко и дало последствия, которых при другом положении можно было бы избежать.

¹²³ См.: Босворт К. Э. Мусульманские династии. М., 1971. С. 124.

¹²⁴ См.: Михайлова И. Б. Указ. соч. С. 226.

¹²⁵ См. там же. С. 226.

III. Христианский суперэтнос

13. Кризис Запада

На осколках разбитой Римской империи и в пепле, остывающем после Великого переселения германцев на запад, с VI по VII в. шел необратимый и неотвратимый процесс снижения пассионарного напряжения, который влек за собой распад нравственности, культуры, экономики, политической власти. Но в IX в. положение изменилось радикально. Произошла «феодальная революция», когда дружинники, превратившись в графов, разорвали «священную империю» на три части и официально заговорили на своих родных языках. Тогда появились как государственные языки французский и немецкий (Страсбургская клятва 842 г.).

Но разделение страны было искусственным, и потому нежизнеспособные королевства продолжали разваливаться. Новая революция была, по сути дела, этнической. Бывшая Нейстрия распалась на Францию, Бургундию (графство), Аквитанию, Бретань и Тулузский палатинат в соответствии с этническими особенностями новых этносов, возникших на основе смешения вельсков и тевтонов. Оформление новых этносов завершилось в 888 г. Потрясающе быстро, не правда ли?

Очевидно, что как некоторые химические реакции идут лишь при высокой температуре и в присутствии катализаторов, так и этническая гибридизация при разных степенях пассионарного напряжения протекает по-разному. При слабых степенях особи инертны, и сочетание в потомке двух стереотипов дает внутренний разнобой, своего рода какофонию, разбивающую психофизиологическую структуру организма. Но при высоких степенях организм становится пластичным, благодаря чему создались новые, до сих пор не существовавшие стереотипы, а тем самым возникли новые этносы. Эту фазу этногенеза можно назвать творческой, хотя от нее, как правило, не сохраняется памятников культуры.

В западной части империи население было более смешанным, и потому перемены были более значительны, а процесс шел интенсивнее. На востоке, где было сплошное германское население, дольше сохранялись старые племенные объединения: саксы, франки, тюринги, швабы, байерны, что и отразилось в длительной тенденции к раздробленности Германии, когда уже появились саксонцы, баварцы, франконцы и т. д. Тот же процесс и в то же время коснулся западных славян, из которых выкристаллизовались поляки и чехи, а бодричи и лютичи вступили в смертельную схватку с соседними немцами и проиграли ее.

Наиболее показательна в этом отношении Скандинавия, страна бедная, долго пребывавшая в безвестности. С VIII в. там внезапно началось и в IX в. развилось новое явление – движение «викингов».

С этими явлениями совпадает первая волна Реконкисты в Испании. Астурийцы, дотоле державшиеся в своих горах, оттеснили арабов за Тахо. Правда, они вскоре были отбиты, но сама попытка показывает, что у них возродилась воля к борьбе и победе.

Молодые скандинавы могли воевать только с сородичами, но на открытую войну не решались и предпочитали эмиграцию. В IX в. они стали кошмаром для всех прибрежных областей Европы, используя реки для проникновения внутрь стран, манивших их накопленными богатствами. И не только Европа, но и Америка были жертвами «ярости норманнов», но нигде они не могли закрепиться, кроме Северной Франции, ныне именуемой Нормандия. Значит, не так уж велика была их сила; скорее сопротивление им в IX в. было слишком слабым.

Причина внезапного и кратковременного – всего 300 лет – свирепства норманнов была неясна еще их современникам. Первая гипотеза объясняла этот феномен как кару Божию за грехи людей. Однако до IX в. и после IX в. люди также заслуживали кары, но норманны не

принимали в этом участия. По другой теории, суровый климат Скандинавии вызвал выселение людей, не имевших возможности прокормить себя. Эта мальтузианская теория сразу наталкивается на непреодолимые трудности. Климат Скандинавии благодаря Гольфстриму мягок. Заселена она и ныне слабо, а 1 тыс. лет назад вопроса о перенаселении не могло и возникнуть. И наконец, почему крестьяне, стремившиеся обрабатывать землю, вдруг сделали своей профессией грабеж, связанный со смертельным риском?

Нет, что-то не то!

По третьей теории, на севере Европы дом и землю получал старший сын, а младшим предоставлялось море. Так, но в Северном море шли миграции сельди, ловить которую было легче, безопаснее и выгоднее, чем класть головы во Франции, Англии и Ирландии. Ведь большая часть викингов гибла на чужбине. А вернуться домой с добычей было тоже нельзя: юноша, ушедший в «вик» – укрепленный поселок викингов, разрывал все связи с семьей и родом окончательно и бесповоротно. Его забывали сильнее, чем мертвого, и пути домой ему не было.

Но нашелся окольный путь, который привел к правильному решению. С движением викингов, противопоставивших себя зажиточным и трудолюбивым хевдингам, связано возникновение скальдической поэзии около 800 г. Это рассматривается литературоведами как «своего рода мутация».¹²⁶ Верно, но скальды пели для викингов. Следовательно, мутантами были и те и другие. А пассионарность – мутация, возникающая внезапно и исчезающая вследствие естественного отбора, что целиком соответствует фактической стороне наблюдаемого явления.

Несмотря на большую работу, сделанную многими учеными разных специальностей, вопрос о причинах походов викингов остается неясным. Некоторые историки полагают, что удовлетворительно объяснить этот взрыв активности и агрессивности вообще невозможно.¹²⁷ Другие всячески преуменьшают значение и масштабы походов викингов и хотят свести их к нормальной активности эпохи раннего Средневековья.¹²⁸ Во многих книгах, посвященных походам викингов, об их причинах говорится вскользь. Авторы ограничиваются общими сообщениями о нехватке земли на их родине или об «овладевшей ими жажде приключений и добычи».¹²⁹ Последнее оказалось верным. В Скандинавии произошел пассионарный толчок.

А. Я. Гуревич описывает это явление так: «В жизни скандинавов в конце VIII – первой половине IX в. произошел резкий сдвиг – перерыв в постепенном развитии. Среди них появляется новый тип людей – смелые мореплаватели, искатели добычи, приключений и впечатлений, имеющие связи в разных странах... Короче, прежний и привычный строй жизни был сломан, сделался невозможным, – и это не для единиц, не только для изгоев или поставленных вне закона людей, которым приходилось искать место жительства возможно дальше от дома, но для множества знатных и бондов. Достаточно ли простого указания на все перечисленные ранее причины походов викингов, чтобы получить убедительное объяснение столь глубокого переворота в жизни скандинавов? Очевидно, недостает по крайней мере еще одного звена, которое превратило бы эти причины или предпосылки во внутренние стимулы движения людей. Но возможно ли обнаружить посредствующее „звено“?»¹³⁰

Конечно, если рассматривать Скандинавию как нечто уникальное, не имеющее аналогий, то этого звена не найти. Но если расширить диапазон наблюдений, то загадка найдет решение. Вернемся к описанию феномена викингов и посмотрим, что произошло.

¹²⁶ См.: История Норвегии. М., 1980. С. 122.

¹²⁷ Kendrick N.D. A History of the Vikings. London, 1930. P. 22; Shoteling H. Viking Antiquities in Great Britain and Ireland. Pt. I. Oslo, 1940. P. 10.

¹²⁸ Sawyer P.H. The Age of the Vikings. London, 1962. P. 194.

¹²⁹ См.: Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966. С. 136–137.

¹³⁰ См. там же. С. 140.

Появились саги и поэзия скальдов¹³¹ – сравним плеяду арабских поэтов перед проповедью Мухаммеда и в его время. Или Гомер и Гесиод накануне эллинской колонизации, Алкей и Сафо при ее расцвете. Уход молодых энергичных людей из родных домов – «люди длинной воли»¹³² в Монголии при дедах Чингисхана, да и при его молодости. Степные походы были подобны морским, аналогия несомненна.

Смена религии – война старших божеств, «ванов», с новыми – «асами». Этот феномен характерен для всех фаз этнического подъема. Культ «асов» – божеств порочных, развратных, забияк, воров, клятвопреступников, злодеев.¹³³ – продержался до принятия христианства, т. е. всю эпоху походов викингов, но и после насильственного крещения в Скандинавии долго процветало двоеверие¹³⁴

И, наконец, искусство. Древний звериный стиль к VIII в. выродился и сменился новым – изображениями зооморфных демонов и драконов.¹³⁵ Да, обновление было полным и стихийным, но ведь это и есть следствие взрыва этногенеза, или пассионарного толчка.

14. Викинги и феодалы

Сопоставление эпохи викингов, реконкистов в Испании с феодальной революцией во Франции позволяет уточнить расположение оси пассионарного толчка, прошедшей от Норвегии, через Париж в Астурию и Португалию. Там зародился «христианский мир», часть коего при рождении была всецело языческой.

«Христианский мир» – название столь же условное, как и «мусульманский мир». Подавляющее большинство населения Западной Европы было крещено, но не имело никакого представления о сущности новой религии, так как молитвы и прославление Бога разрешались лишь на трех языках – еврейском, греческом и латинском, которых миряне, естественно, не знали. Более того, в конце X в. англосаксонский клирик Эльфрик разъяснял, что светские люди не могут понять «тайного смысла» книг Библии и желание ознакомиться с ними не соответствует тому предназначению, которое Бог определил сословию рыцарей – людей войны. А в VIII в. уже существовала обширная литература на староанглийском языке.¹³⁶ Так легко было перевести Евангелие.

В христианской церкви и, значит, в Каролингской империи было другое мнение, отраженное в постановлениях Франкфуртского синода 794 г.: «Пусть никто не думает, что следует молиться лишь на трех языках»,¹³⁷ но ведь это было до раскола и феодальной революции, следовательно, до фазового перехода от инкубации к подъему, изменившего облик Западной Европы и создавшего «христианский мир», в котором изучение христианской доктрины запрещалось.

Еще раз отметим, что слова обманчивы. Превращаясь в термины, они приобретают новый смысл. Так, пассионарный толчок IX в. – явление природы и никак не связан с распространением христианства – явлением культуры.

Теперь несколько слов о викингах, о коих есть столько превратных суждений, что надо избежать недоразумений. В IX в. в Скандинавии перенаселения не было, так как свободных фиордов и теперь много, хотя людей стало больше. Формация там была первобытно-общинная, и конунги являлись выборными племенными вождями. До IX в. скандинавы еле-еле отстояли

¹³¹ См. там же. С. 146.

¹³² См.: История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 207–209.

¹³³ См.: Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 166–167.

¹³⁴ См. там же. С. 166–169.

¹³⁵ См. там же. С. 141–145.

¹³⁶ См.: Сказание о начале славянской письменности. М., 1981. С. 28.

¹³⁷ Там же. С. 26.

свою землю от натиска лопарей, пока не загнали их на Крайний Север, в тундру. Викингами называли тех людей, которые не желали жить в племени и подчиняться его законам. Слово «викинг» носило тогда оскорбительный оттенок, вроде современного «пират, бандит». ¹³⁸ Когда юноша покидал семью и уходил в дружину викингов, его оплакивали как погибшего. И действительно, уцелеть в далеких походах и постоянных боях было нелегко. При этом викинги не обладали большей храбростью, чем оставшиеся дома. Смелость южных народов часто превышает мужество народов северных, но это не пассионарность, а другой поведенческий признак, не агрессивность, а способность к адекватной реакции, обычно проявляющейся при самозащите.

Викинги боялись смерти, как все люди, но скрывали этот страх друг от друга, наедаясь перед битвой опьяняющими мухоморами. ¹³⁹ Современные им арабы бросались в атаку трезвыми, но неукротимые в опьянении викинги сминали и арабов, и франков, и кельтов. Особенно ценили они берсерков (подобных медведю), т. е. людей, способных перед боем доходить до невменяемого состояния и с огромной силой крушить врага. После припадков берсерки впадали в глубокую депрессию до следующего нервного срыва. В нормальных условиях берсерков не терпели. Их заставляли покидать села и удаляться в горные пещеры, куда остерегались ходить. Но в отрядах викингов берсерки находили себе применение. Иными словами, пассионарность делает яростными даже не очень храбрых людей. Значит, викинги были людьми несколько отличным от прочих скандинавов склада. Обладая высокой степенью пассионарности, они были нетерпимы для малопассионарных норвежцев, которые предпочитали сидеть дома и ловить селедку. Поэтому пассионарная часть популяции отпочковалась от основной массы народа и погибла на чужбине. Зато норвежские и датские воины-пассионарии разнесли славу своей ярости по всей Европе и вынудили ее обитателей защищаться. Однако поздние Каролинги и их свита не проявили никаких способностей к организации обороны, что вызвало законное недовольство их подданных. Тогда отдельные инициативные «товарищи» (*comitas* (лат.), т. е. граф), например Эд, граф Парижа, возглавили тех, кто хотел и мог обороняться. Население предпочло иметь энергичных правителей и отказало законным монархам в покорности. Феодалы захватили власть в Европе.

О том, что такое феодалы, написано достаточно. Нам следует лишь отметить, что люди, получавшие бенефиции и лены, ставшие в IX в. наследственными, подбирались ранними Каролингами по деловым качествам. До того как феодализм стал формацией и до того как он был оформлен юридически, Карлу Мартеллу и Пипину Короткому требовались толковые помощники, а те работали только за плату. «*Nullum officio sine beneficio*». ¹⁴⁰ На опасные задания во время войн имело смысл посылать только энергичных, инициативных и смелых людей, согласных за хорошую плату рисковать жизнью. Значит, первые кадры феодалов составлялись из пассионариев. До IX в. число их было незначительным, и тут встает важный вопрос: были ли они остатками подъема II в., т. е. наследием Великого переселения народов, или это шел инкубационный период нового пассионарного взрыва, когда вновь рожденные пассионарии уже успели проявить себя? Скорее всего здесь можно видеть наложение нового толчка на старый, незаконченный процесс, подобно тому как было в восточной части Римской империи в III–IV вв., когда рождалась Византия. Это видно уже из того, что произошло изменение этнической доминанты. В IX в. в Европе появились первые средневековые «нации»! (О чем говорит К. Маркс в «Хронологических выписках». ¹⁴¹)

¹³⁸ См.: Магидович И. П., Магидович В. И. История открытия и исследования Европы. М., 1970. С. 113.

¹³⁹ Методы химической стимуляции применялись даже в Средней Азии; басмачи перед атакой натирали ноздри коней опиумом, а сами накуривались анашой, притупляющей чувство страха.

¹⁴⁰ Никакой услуги без благодарности (лат.).

¹⁴¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. V. М., 1938. Хронологические выписки.

15. Рождение Европы

При распадении империи Карла Великого его внуки в 843 г., встретившись в Вердене, именовались: Карл, король французов, и Людовик, король немцев. До этого все их подданные были «римляне германской нации», т. е. германцы по рождению, юридически оформленные как римляне. Последнее было не ново. Ведь были галло-римляне, испано-римляне, иллиро-римляне и т. д., но то, что общность нового типа, совмещающая единство происхождения и языка, оказалась предпочтенной юридической форме, показывает, что появилась новая этническая доминанта, т. е. принцип, на котором люди нового склада стали объединяться в коллективы. Поэтому можно и должно рассматривать дробление западноевропейского суперэтнуса не на общины, не на племена, не на полисы, а на «нации»¹⁴² как локальный вариант этногенетического процесса.

Этническая пестрота Европы, обусловленная последствиями Великого переселения народов, в момент пассионарного толчка благоприятствовала выживанию пассионариев, а тем самым и росту пассионарного напряжения.

Средневековые «нации» не восходили к древним племенам германцев, кланам кельтов, муниципиям италиков, хотя людей они черпали именно из потомков перечисленных этносов. Если бы древние традиции не умерли, то новая суперэтническая целостность не могла бы возникнуть. Но старые этнические системы уже не могли удерживать в своей среде рождавшихся пассионариев, которые, владея мечом и копьем, искали для себя, а не для своих соплеменников «карьеру и фортуны». И соплеменники были не в силах приостановить этот процесс, так как вследствие этнической пестроты пассионарию было легко найти сеньора, нуждавшегося не в послушных подданных, а в смелых соратниках. Им не нужно было, как скандинавам, плыть за море, а достаточно просто перейти границу своей области, чтобы обрести свободу, риск и надежду на удачу.

Для того чтобы бурление, охватившее Западную Европу в IX–X вв., не превратилось в «броуновское движение», ведущее к бессмысленному человекоубийству, требовались этническая доминанта и связанная с ней социальная организация с достаточным идеологическим наполнением. На заре пассионарного подъема доминант было несколько. Они выражались в религиозных системах, частью сохранившихся от седой старины, частью воспринятых заново. Скандинавы верили в богов Валгаллы, славяне – в извечную борьбу Белбога с Чернобогом, бургунды были арианами, франки – католиками, кельты – православными, так как их обратили египетские миссионеры, миновавшие Рим. Многие феодалы вообще не верили ни во что, кроме своих капризов и выгод, а среди крестьян и знати уже в XI в. процветал тайный культ Сатаны, возглавленный попами-расстригами. Клирики были пассионарны не менее феодалов и купцов.

Именно эти «свободные атомы», оторвавшиеся от своих этносов, оказались цементом, склеившим воедино самые непохожие и, казалось бы, несовместимые традиции. Бароны переняли у венгров древнюю в Азии, но новую в Европе тактику атак тяжелой конницы – сарматское изобретение. Крестьяне заимствовали у кельтов длинные луки, стрелявшие на 450 м, причем хорошо закаленные наконечники стрел пробивали примитивные колеты из кожи и даже кольчуги. Клирики ездили в Кордову изучать древнееврейский и греческий языки у еврейских раввинов, служивших испанским халифам, заодно изучая теологию в аспектах, чуждых восточнохристианской ортодоксии. Купцы сновали между арабскими мусульманами и славянскими язычниками, богатея на торговле мехами и шелками. И все они связывали свои судьбы

¹⁴² Не следует путать современное значение термина «нация» со средневековым, так как термины часто переосмысливаются. Но это проблема филологическая, которой мы не будем уделять время и место.

не с родными деревнями, а с престолами королей, которые были в состоянии защитить и обогатить их.

Однако эти «свободные атомы» не вылетали за пределы географического региона, ограниченного на севере, западе и юге морями, а на востоке невидимой границей – положительной изотермой января. Холодные зимы Восточной Европы их не манили, а пугали. Путешествовать там они считали возможным, а селиться – нежелательным.

Итак, новый суперэтнос возник в условиях ландшафтно разнообразного, но монолитного географического региона за счет деятельности нескольких поколений пассионариев, появившихся на этой территории и перекроивших не только политическую, но и этническую карту Европы. Новая суперэтническая целостность должна была обрести название, чтобы смутные чувства, облеченные в слово, овладели сознанием ее членов. И она стала именовать себя «христианский мир».

И опять-таки отметим хронологическое совпадение подъема пассионарности в Скандинавии, Западной Германии, Северной Франции и Северо-Западной Испании, т. е. на оси, ориентированной с северо-востока на юго-запад. Никакого переноса генов из Скандинавии в Астурию и наоборот не было, равно как и культурных заимствований. Причина пассионарного подъема лежала и тут за пределами видимой истории людей, значит, в сфере истории природы. Италия находилась за пределами ареала возникшей пассионарности. Поэтому в начале X в., когда Северная Европа кипела и сражалась: кто, как французы, против угнетателей – Каролингов и немцев; кто, как немцы, против язычников – венгров и славян; кто, как астурийцы, против мусульман, и весьма успешно (при Саморе в 900 г. был разбит эмир Толедский), в Южной Франции и Италии «всеми сословиями овладела жажда наслаждений... Люди думали только о чувственных удовольствиях, о еде, питье, внешнем блеске, красивых женщинах; высшие блага утратили всякую цену для этих изнеженных и нравственно грубых людей... Императорская власть исчезла, папская власть существовала только по имени. Единственной связью между людьми был расчет выгод, всеми поступками управлял эгоизм, и духовенство отдалось чувственным страстям одинаково с мирянами. В нем почти не было людей, которые вели бы такую жизнь, как требовала церковь: религиозность ограничивалась исполнением обрядов; в монастырях не осталось следов нравственного порядка».¹⁴³

Северяне прореагировали на это нравственное гниение организацией Ключийского монашеского ордена, который поставил себе цель – восстановить былое благочестие бенедиктинцев, и преуспел!

Несколько иначе сказалось снижение пассионарности в англосаксонских королевствах, где население было этнически монолитно. Здесь шла постоянная война с викингами и кельтами. Вопреки рассудку, но в соответствии со стихией пассионарности англосаксы умудрились потерпеть несколько страшных поражений, объяснявшихся изменами вельмож и распущенностью воинов. Англию сначала покорили датчане, а потом обескровили набегами валлийцы и скотты, что могло произойти исключительно из-за слабого сопротивления покоряемых. Наиболее полное смешение пассионарных этнических субстратов, слившихся в единый новый этнос, имело место во Франции, которая выдвинулась на первое место в Западной Европе. А поскольку Англия и Италия находились за пределами ареала пассионарного толчка, то они стали жертвами этого подъема. В IX в. Англию захватили франко-норманны, Италию – саксы, франконцы и швабы. Но импортированный заряд пассионарности воздействовал на этногенез этих стран так же, как и возникший естественным путем, только с небольшим хронологическим отставанием.

Как мы уже отметили, ареал пассионарного толчка не совпадал ни с ареалом становления феодальной формации, ни с ареалом христианской культуры. В Италии и Англии, куда пас-

¹⁴³ Вебер Г. Всеобщая история. Т. V. М., 1893. С. 606.

сионарность была импортирована, феодальные институты возникали позже. Движение пассионарных скандинавов – викингов – проходило на фоне первобытно-общинной формации, и скандинавы удержали элементы родового строя до позднего Средневековья. Ни Испания, ни Норвегия, ни Польша не знали крепостного права для своих крестьян, хотя другие феодальные институты, как, например, наследование титулов, рыцарство, хартии для городов, у них были. Но, несмотря на локальные различия, этносы Западной Европы объединились не политическими, а идеологическими связями – католичеством, покоровшим в X в. западных славян и скандинавов. Идейные связи сковали новую системную суперэтническую целостность эластично, но цепко, и в XI в., когда началась вторая (акматическая) фаза этногенеза, это было для современников очевидно. И, как члены «христианского мира», они двинулись в колониальную экспансию – Первый крестовый поход.

И тут, несмотря на различие в языках и нравах, при наличии застарелой вражды на базе давних этнических счетов, при разных политических целях французы, немцы, норманны, итальянцы, шведы и испанцы ощутили себя «своими» по отношению к «чужим» – арабам и грекам. Суперэтнос не только сложился, но и осознал себя.

16. Накануне великого раскола

Византия как политическая целостность очень быстро потеряла территорию Западной Римской империи, но как целостность культурная она сохранила там свое влияние до IX в. Переломной датой можно считать и 843 г., и 867 г., а правильнее – эпоху между этими годами. И вот почему. Захватившие Италию и Испанию готы и сменившие их лангобарды были ариане, а местное население – волохи (название латиноязычных европейцев) – православные. Хотя как этносы они ничего общего не имели с греками, но церковь как культурный комплекс удерживала их в составе византийского суперэтноса. Влившиеся в эту систему франки и англосаксы также приняли православие от Римского престола, чем обеспечили ему победу над арианством.

И вот, несмотря на то что ни до Галлии, ни до Британии не могли дотянуться щупальца византийской дипломатии, обаяние культуры фазы расцвета превращало Западную Европу в провинцию, столицей которой был Константинополь. Пусть за два века акматической фазы этногенеза Византия пропустила через свою укрепленную границу по Дунаю тысячи славян, заселивших опустошенный ими Балканский полуостров, пусть несториане и монофизиты подчинились арабам, пусть сумасшедший император с отрезанным носом возвращается на престол при помощи враждебных болгар – городские стены стоят, монахи обучают прихожан молитвам перед иконами, а Юстиниан II снова теряет власть, но на этот раз вместе с жизнью. Доблесть, искусство и справедливость при каждом потрясении торжествуют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.